

Г О Р О Д Ж Е Н Щ И Н

ХЕРБЬЁРГ ВАССМУ

СТО
ЛЕТ

Автор
романа
«Книга Дины»

Fix Price Pocket

Хербьёрг Вассму

Сто лет

«РИПОЛ Классик»

2009

УДК 821.111
ББК 84(4Нор)6

Вассму Х.

Сто лет / Х. Вассму — «РИПОЛ Классик», 2009 — (Fix Price Pocket)

ISBN 978-5-38-614115-8

В новом романе известной норвежской писательницы разворачивается столетняя история семьи Вассму. Три женщины, представительницы трех поколений семейного клана, – красавица Сара Сусанне, ее дочь Элида и внучка Йордис, которой суждено стать матерью самой Херब्ёрг Вассму, – каждая по-своему преодолевает тяготы жизни в северной стране, сотрясаемой историческими бурями XIX–XX веков.

УДК 821.111
ББК 84(4Нор)6

ISBN 978-5-38-614115-8

© Вассму Х., 2009
© РИПОЛ Классик, 2009

Содержание

Книга первая	6
Знак	6
Фру Линд	9
Сара Сусанне получает письмо	12
Остров Офферсёй	18
Вступление в брак	22
Дождь жизни	27
Мечта о доме	34
Книга вторая	38
Бабушка Элида и американская кукла	38
Раннее весеннее утро	42
Будь благодарен за данную тебе жизнь	47
Десятый ребенок	50
Подготовка к отъезду	55
Книга третья	61
Одинока – и все-таки не одна	61
Хавннес	64
Конец ознакомительного фрагмента.	66

Хербьёрг Вассму

Сто лет

Тете Хельге

Книга первая

Знак

Позор. Его я боюсь больше всего. Мне всегда хочется его скрыть, стереть или каким-нибудь другим образом избавиться от него. Писать книги – позор, который скрыть трудно, книга сама по себе документ, и от этого никуда не деться. Позор, так сказать, приобретает масштаб.

В детстве и в ранней юности, в Вестеролене, я пишу дневник, и меня пугает его содержание. В нем есть что-то позорное, и я не могу допустить, чтобы кто-нибудь узнал об этом позоре. У меня много тайников, но главный – в подполе пустого хлева. Под крышкой люка, куда выбрасывают навоз. Этот хлев – место моего добровольного изгнания. Он пустой. Если не считать кур. А кормить их – моя обязанность.

Я сижу в пустом стойле на пыльной скамейке для дойки коров под еще более пыльным окном и пишу желтым шестигранным карандашом. У меня есть финский нож, которым я затачиваю карандаш. Блокнот тоже желтый. Маленький. Чуть больше моей раскрытой ладони. Я купила его в лавке Ренё в Смедвике на собственные деньги и точно знаю, для чего он мне нужен.

Здесь, в хлеву, я чувствую себя в безопасности. Но лишь до того дня, когда *он* обнаружит мое убежище. Насколько опасным мог оказаться мой дневник, я поняла лишь много лет спустя. Однако тревожное предчувствие зародилось во мне именно там, на скамейке. Поэтому я молчу и прячу дневник. Складываю свои блокнотики в клеенчатый мешок для спортивного костюма, затачиваю шнурок и вешаю мешок на гвоздь под полом хлева. Это надежно и необходимо, в хлеву сильно дует из подпола.

Однажды в воскресенье *он* около полудня приходит в хлев. Я пытаюсь убежать, однако он загораживает дверь. Я успеваю спасти дневник, незаметно сунув его в сапог. Но дневник его не интересует, ведь *он* еще не знает, что мне может прийти в голову там написать.

После того как *он* обнаруживает мое убежище, я вынуждена найти другое. Под нависшей скалой недалеко от дома. Оно не такое надежное, во всяком случае – когда идет снег. Следы. Я кладу свои блокнотики в жестяную коробку и прячу ее среди камней. Зима. Я пишу в варежках. Иногда земля покрывается снежным настом. Это хорошо, только если наст не присыпан свежим снегом. Дневник лучше, чем вечерняя молитва. Молитва слишком короткая, и я произношу ее быстро, мне нечего просить у Бога.

В одиннадцать лет я уже понимаю, какими опасными могут быть слова. Прямо по Юнгу, которого я тогда еще не читала, я сжигаю вещи. Вещи, к которым *он* прикасался. Втыкаю иголки в *его* шерстяные носки. Связываю шнурки на *его* башмаках так крепко, что их придется разрезать. Осмеливаюсь положить финский нож на мисочку для бритвы. Вырезаю длинный лоскут из *его* анорака. Но последнее оказывается бесполезно. Маме приходится ставить на анорак заплату. Странно, что *он* этого не понимает. Не про анорак, конечно. А про все остальное.

Он много говорит, но ничего путного в *его* словах нет. Бранит нас, но мы напуганы и без того. Йордис, моя мама, ставит заплату на анорак. Она тоже ничего не понимает. Йордис вообще говорит мало, лишь когда ей есть что сказать.

Только когда *его* пароход отходит далеко от берега, я чувствую себя в безопасности.

«Не грозит опасность детям, Бог хранит их всех на свете».

В этой книге я пишу о своей бабушке, прабабушке и их мужьях. У нас многочисленный род, и каждый хочет, чтобы о нем узнали. О некоторых я даже не вспомню, о других упомяну мимоходом. *Он* больше других требует, чтобы о *нем* написали. *Он* все разрушает, сеет хаос и мрак. И обладает властью портить хрупкую радость или прогнать приятные мысли. Только после *его* смерти у меня возникла потребность понять *его* как человека. Не для того чтобы простить, но чтобы спасти самое себя. Прощать, к счастью, не моя обязанность, этим займутся высшие силы.

Мне помогает, когда я вижу единство нашего рода. Не скрытность, не позор и не ненависть, а все остальное. Помогает, когда я вижу людей там, где они находились в определенное время, а не такими, какими стали потом. *Он* тоже был когда-то ребенком. В этом и спасение мое, и боль.

Можно ли постичь всю правду о человеке?

С другой стороны, как могут люди, принадлежащие одному роду, быть такими разными, такими не способными понять жизнь друг друга? Люди – это загадка, и все-таки я пишу о них, словно эту загадку можно разгадать.

Я собираю знаки. Иногда они бывают расплывчатые, ничего не говорящие, совсем как люди, встреченные мимоходом. А иногда становятся близкими и требовательными, точно вызов, который необходимо принять. В молодости я познакомилась с одной религиозной или метафизической теорией, согласно которой человек сам выбирает своих родителей. Тогда эта мысль испугала меня. Но теперь я именно это и делаю. То есть *выбираю себе прабабушку с материнской стороны*. И руководствуюсь при этом критериями, которые не одобрил бы ни один специалист по генеалогии. Однако я верю своей истории.

Интерес к тому, чего я никогда не смогу узнать точно, дает мне необходимые силы. Словно дорога через неизвестную местность – единственная и другой не существует. Мне приходится полагаться только на себя. Кроме того, на меня, конечно, влияют гены и семейные предания.

Мысль написать историю моей бабушки и прабабушки пришла мне в голову много лет назад, когда моя дочь прислала мне брошюру о Лофотенском соборе в Кабельвоге. В ней была цветная фотография запрестольного образа. Сюжет – моление о чаше Иисуса Христа в Гефсиманском саду. В брошюре сообщалось, что пастор и художник Фредрик Николай (Фриц) Йенсен закончил этот образ в 1869 или 1870 году и что ангела, протягивающего Христу чашу, он писал с реальной женщины.

Эта реальная женщина – *Сара Сусанне Крог, урожденная Бинг Линд, родилась 19 января 1842 года* в Кьопсвике в Нурланде. Дочь пишет, что, очевидно, это моя прабабушка!

Больше всего меня поразило, что *она родилась в тот же день, что и мой сын, и была ровно на сто лет старше меня самой*.

Читая брошюру, я вижу перед собой мою бабушку Элиду, она рассказывает о моей прабабушке – Саре Сусанне. И я понимаю, что ангел и в самом деле очень похож на моих бабушку, маму и тетю. Если черты лица могут повторяться из поколения в поколение, наверно, так же могут повторяться и мысли? Как прилив, бьющий о скалы, повторяется из поколения в поколение, хотя нас это ничему и не учит.

То, что эту брошюру прислала мне дочь, – тоже знак. Но еще много воды утечет, прежде чем я по-настоящему пойду по этому следу. Я сопротивляюсь как могу. Словно моя собственная история – яд, который может все отравить. Моя жизнь не может быть литературой. Ее нельзя сочинить и рассказать, как правду. Так мне кажется. Но потом я понимаю, что должна рассказать ее так же, как я рассказываю другие истории. Ибо что есть истинная *правда*? Разве человеческая мысль, неподвластная контролю, – это неправда? А наши поступки, они что, более правдивы только потому, что их можно контролировать? Ведь они могут быть насквозь

фальшивы по сравнению с нашими чувствами и мыслями. Насколько мы можем узнать человека, которого встречаем в жизни?

Постепенно я понимаю, что жизнь постоянно меняется, и в плохом и в хорошем. Все только вопрос времени.

Я нигде не нашла письменных свидетельств о том, что заставило меня взяться за эту историю, – свидетельств о встрече Сары Сусанне с художником и пастором Йенсенем. Даже если бы они у меня и были, я не могла бы утверждать, что это *истинная правда* об этих двух людях. Тот, кто рассказывает историю, подчиняется своим законам. Род может хранить в тайне что-то неблагоприятное, и каждому приходится все начинать заново. Что же касается моей истории, я слишком мало знаю и помню из всего того, что сформировало меня как личность. Может быть, потому, что *не хочу* помнить. Я тратила и трачу много усилий, продвигаясь вперед. Словно будущее можно построить, не оглядываясь назад.

Фру Линд

Фру Линд овдовела в 1848 году, но раздел имущества в семье состоялся только в 1851-м.

Это говорит о том, что между наследниками Иакова Линда от двух браков – шестью детьми от первого брака и девятью от брака с Анне Софией Дрейер – были вполне мирные отношения. Чтобы разделить на всех имущество и лавку, их пришлось продать, и каждому досталось не так уж и много. Вдова распорядилась своей долей в торговле и домами в ожидании, когда ее старший сын, пятнадцатилетний Арнольдус, станет взрослым. Другой сын, Иаков, был на шесть лет моложе. О дочерях же, благослови их всех Бог, тоже следовало позаботиться, так или иначе.

Рыжеволосая Сара Сусанне была шестым ребенком, ей тогда было шесть лет.

Никто не скажет, что Арнольдус не пытался по мере сил облегчить участь матери. У него был один недостаток, а может, достоинство, это как посмотреть. В тех краях этим свойством обладали лишь немногие порядочные мужчины. А именно, ему была присуща бесстрашная привычка выкладывать без обиняков все, что было у него в мыслях или лежало на сердце. Обольстительная откровенность и мягкое внимание. Можно назвать и шармом, если кому-то больше нравится это слово. Это свойство привлекало всех женщин, независимо от возраста. Сестры Арнольдуса, начиная от годовалой и до тринадцатилетней, доверчиво вручили ему свои жизни. За исключением старшей сестры, Марен Марии. После смерти отца она неожиданно обнаружила, что перестала быть в семье главной. Главным вдруг стал Арнольдус. Ей же пришлось трудиться не покладая рук. На нее был возложен уход за младшей сестрой, Анне Софией. К тому же она должна была выслушивать бесконечные рассуждения матери о любви и страданиях. Как будто фру Линд была единственная, на чью долю выпали эти испытания. А все остальные, в том числе и ее собственные дети, были бессловесными животными, не понимавшими, что такое страдание.

Однако напрасно кто-нибудь ждал от Марен проявления своенравия или упрямства. Она была наблюдательна и не теряла зря времени. Своих младших братьев и сестер она воспитывала одним взглядом, не прибегая ни к подзатыльникам, ни к похвалам. Марен была надежна и тверда, как каменная ступенька перед дверью в дом. Хотя известно, что камень, на который никогда не попадает солнце, не может быть теплым.

Но Марен Мария Линд и не ждала солнца. Она только искала возможности избежать тени. Каждого мужчину, который приходил в лавку или в дом к Линдам или встречался ей по воскресеньям на пригорке у церкви, Марен Мария взвешивала на своих собственных весах. Эти весы были естественной частью ее самой и находились у нее в голове. Скрытые от посторонних глаз. Она пользовалась гирями, которые по необходимости меняла. Сначала гири были слишком тяжелые и отправляли всех мужчин прямо в космос. Но после конфирмации Марен Мария мало-помалу постигла тайны жизни. Она поняла, что человека нельзя взвешивать на обычных грузовых весах, его надо делить на части и каждую часть класть на чашу весов по отдельности. Чтобы потом оценить полученные результаты. Главное – необходимо понять, что этому человеку нужно. Так, по мере надобности, можно было заменять гири, оказавшиеся слишком тяжелыми. Несколько раз при более близком знакомстве ей приходилось признать, что товар, показавшийся ей первосортным, годится разве на то, чтобы один раз попить с ним кофе на церковном празднике.

Но поскольку Марен никогда никому не доверялась, то, допустив ошибку, не теряла лица. Инстинктивно она отстранялась от бесконечной болтовни матери о чувствах, от ее завораживающей обходительности и, не в последнюю очередь, от ее заботы об Арнольдусе и младшем брате Иакове. Как будто братья уже по определению были существами высшего сорта. Марен

знала, что каждый, кого мать угощала кофе и кто отнимал у матери время, лишал времени и ее самое и укорачивал ее ночи.

В пятнадцать лет она понимала, что хорошо сложена, но уже давно чувствовала себя старой. Она видела, какими красивыми становятся ее сестры. Особенно Сара Сусанне. К тому же они были более веселого нрава, чем она. Прежде всего, Амалия и Эллен Маргрете, между которыми был всего год разницы. Они вели себя так, словно мир вращался вокруг них. Словом, будущее и танцы принадлежали сестрам. Марен оставалось только быть их поверенной, помощницей и утешительницей, а когда начинались танцы, у нее уже не было сил танцевать.

* * *

В 1855 году, который люди называли «богатым на события», газета «Трумсё-Тиденде» писала, что условия для заготовки сена были благоприятны, но все остальное не уродилось. А ведь именно в тот год люди, имевшие землю, в основном посадили картофель и посеяли хлеб. Нужда в картофеле была велика. К счастью, это был последний год, когда Крымская война мешала торговле зерном с северной Россией. В январе следующего года было заключено перемирие, а 30 марта подписан мирный договор. Однако боги погоды требовали своего. Мало того, что люди не получили даров Божьих от земли, но и у торговцев в кассах было пусто.

Фру Линд и двадцатидвухлетний Арнольдус испытали это на себе. В семье было слишком много голодных ртов. Правда, сын Иаков уже обеспечивал себя сам, он еще не был женат и ходил шкипером на шхуне. Зато дочери доставляли матери много бессонных ночей. Внешне эти огорчения никак не проявлялись, однако старшие дочери чувствовали тревогу матери и воспринимали ее как упрек. Провести всю жизнь в услужении в чужом доме – разве об этом они мечтали?

В один прекрасный день в Кьопсвик приехал молодой Юхан Лагерфельд, уроженец Трондхейма. Марен как раз нужны были сильные мужские руки, чтобы вынести из поварни котел с супом. Юхан не стал тратить время на приветствия и обеими руками взялся за котел. Пар окутал его морковного цвета шевелюру, и шея покраснела от напряжения. Жесткие густые усы тихо шевелились от его дыхания.

Это было начало. Спустя некоторое время, после регулярных и частых визитов, он, улыбаясь, как обычно, и без малейшего смущения, посватался к Марен.

– Ты никак не шла у меня из головы. Так уж, пожалуйста, выходи за меня замуж. Что скажешь?

Марен стояла в саду возле стола, который накрывала на воздухе по случаю хорошей погоды. Юхан выпрямился и подошел к ней. Они были одни, и она забыла взвесить его на своих весах. Должно быть, она все знала заранее. Как будто это был давно решенный вопрос, как будто все было записано и скреплено печатью.

После свадьбы, на которой Юханнес Крөг с Офферсёя был шафером, молодые переехали на остров Хундхолмен.

Но еще до этого события зима 1855-56 года выдалась на севере тяжелой и для людей и для скота. Лед в Гисундете был крепкий, как железо, и сошел только к концу мая. За ценами было не угнаться, и голод заглядывал в разрисованные морозом окна, особенно в домах бедных арендаторов и рыбаков. Власти наняли разъездного агронома, но люди как будто не понимали, что им с ним делать. Они просили о помощи и Господа Бога, и светские власти. Но, как всегда, помочь им должно было время, даже если для кого-то эта помощь и пришла слишком поздно.

Однако те, кто выстоял, быстро обо всем забыли. В 1859 году все опять было в порядке. Честь этого Сельскохозяйственное общество целиком приписало себе, даже не подумав поделиться ею с Господом. Агроном, как проповедник, пробуждающий души, ездил по всему краю

и призывал людей следовать новой моде и рыть на своей земле оросительные каналы. Мол, именно в этом и кроется тайна успешного земледелия.

На Хундхолмене у Юхана и Марен со временем появились два работника, две служанки и семья квартирантов из шести человек, правда, хозяйство квартиранты вели отдельно. Кроме того, у Юхана с Марен было четыре коровы, двенадцать овец, поросенок и несколько кур. Они сеяли бочонок ячменя и сажали восемь бочонков картофеля. Благодаря своему замужеству Марен чудесным образом вырвалась из-под господства матери. Дом у нее был не такой богатый, как у ее родительницы, и она унаследовала не так много мебели и вещей, чтобы с них трудно было смахнуть пыль или стоило показывать их гостям, но она не нуждалась и была полной хозяйкой в своем доме. К тому же избавилась от детского крика. Тогда она еще не знала, что природа отказала ей в даре материнства.

Но, как известно, и душа человека, и его судьба непостижимы и со временем он становится одержимым тем, чего не смог получить.

Сара Сусанне получает письмо

В 1861 году на отмели Вестеролена пришла в небывалом количестве сельдь; было похоже, что и на следующий год море осчастливит людей своим серебром. И чем ближе эта серебряная сельдь подходила к берегу, тем легче было ее взять.

Братья Круг с Офферсёя тоже поставили на рыбу. Они собрали все лодки и наняли людей, договорившись платить им твердую заработную плату, но без права на долю от улова – при хороших замётах это им было выгоднее. Ходили слухи, что сельдь *аж выходит на сушу*, – ее было столько, что рыбакам ничего не стоило выгнать ее на берег и там, среди прибрежных камней, просто черпать и кидать ее в бочки.

Братья с Офферсёя обладали многими талантами. О молодом Юханнесе ходили слухи, что он чует запах соли за много миль. Там, где другие рыбаки ждали прилива и жаловались на нехватку соли и сумасшедшие цены, он просто садился в лодку. Юханнес Круг сильно заикался, поэтому в его обычае было не болтать, а действовать.

Он никогда не ждал, пока у него закончится соль. Когда было нужно, он всегда успевал своим отрывистым стаккато договориться с торговцами. Хотя, вообще-то, предпочитал писать им в блокноте. У него были свои связи, он прислушивался к интонациям собеседника и проявлял терпение. Поэтому Юханнес всегда знал, насколько можно сбить цену. Родственников и свойственников в Бергене, Бё, на Лофотенах и в Трумсё тоже нельзя было сбрасывать со счетов. Помогало ему и то, что он, не рассчитывая на благодарность, всегда был готов подставить плечо человеку, попавшему в трудное положение.

Людам не нравилось только, что Юханнес слишком молод и что с ним трудно разговаривать. Особенно тем, кто читал медленнее, чем он писал то, что был не в силах произнести.

* * *

Сара Сусанне покинула дом матери в Кьопсвике и работала теперь экономкой в Бё. Цены на сельдь и соль ее мало интересовали. Но она помнила, что видела Юханнеса и в лавке, и во многих домах. И довольно часто. Он был на несколько лет старше нее, но ненамного. Сильный, худой, жилистый, он был под стать жившим в горах финнам, которым постоянно приходилось бегать за своими оленями. Зато лицо его со светлыми волнистыми волосами и бородой было очень красиво. А вот руки не подходили к его облику. Словно в нужный момент у Создателя просто не нашлось красивых рук. Длинные руки Юханнеса заканчивались внушительными кулачищами. Ноги были большие и явно не соответствовали его худощавой фигуре. Однако ходил он легко, слегка враскачку. Точно хотел убежать от чего-то очень смешного, а может, и очень грустного. Глаза у него были прозрачные, как стекло. Когда Юханнес смотрел прямо на человека, они расширялись и напоминали глаза младенца, впервые увидевшего мир Божий.

Сара Сусанне запомнила его еще со свадьбы сестры Марен. Он стоял в толпе мужчин, но ни с кем не разговаривал. Иногда энергично кивал или печально качал головой. Он все время держался в некотором отдалении, и даже когда смотрел прямо на нее, казалось, что он ее не замечает. Она видела его в саду – в рубашке с закатанными рукавами, ярко освещенного солнцем. Но в саду и в гостиных толпилось слишком много народу. Вряд ли люди помнили всех, кого они там видели.

Стояло лето 1862 года. Хозяйка отпустила Сару Сусанне на несколько дней домой повидаться с родными. Днем в воскресенье, когда Сара Сусанне с матерью и сестрами вышли из церкви, перед ними неожиданно возник Юханнес Круг. Он низко поклонился и, как на похоронах, поздоровался с каждой за руку.

После того как фру Линд заполнила возникшую было тишину потоком многословного дружелюбия, Юханнес вручил Саре Сусанне большой серый пакет, в котором лежало что-то мягкое. Могло показаться, будто они заранее условились об этом и что говорить тут не о чем. Будто он давно знал, что может встретить ее у церкви. При всем своем замешательстве она, однако, заметила, что его большущая рука дрожала и на шее вздулись синие жилы.

Деваться Саре Сусанне было некуда, и она обеими руками приняла у него пакет. После того как Юханнес несколько раз кивнул ей на пакет, она открыла его и вынула белую шелковую шаль с длинной тяжелой бахромой и письмо, запечатанное печатью, на которой были две буквы – Ю.К. Она так смутилась, что даже забыла его поблагодарить. Стоявшие вокруг люди смотрели на них во все глаза. Кое-кто улыбался. Сестры Амалия и Эллен, обменявшись взглядом, не облегчили положения Сары Сусанне. Анне София, которой было всего четырнадцать лет, с открытым ртом переводила глаза с него на нее и обратно. Но фру Линд быстро спасла положение, пригласив Юханнеса Крога с Офферсёя к ним на обед. За приглашением последовал разговор об общих родственниках, вопросы о здоровье матери, ценах на сельдь и вообще обо всем на свете.

Во время обеда и потом, когда все уже пили кофе, Юханнес, согласно кивая на все, что говорила фру Линд, по-прежнему смотрел на что-то рядом с головой Сары Сусанне. Выражение лица у него было внимательное, хотя вместе с тем казалось, что он пребывает где-то далеко отсюда. Если он не ел и не пил, он сидел скрестив руки на груди, словно адмирал, отдыхающий между битвами.

Сара Сусанне еще не читала письма. Оно лежало на буфете. Шаль тоже. Как велел обычай, она разливала кофе, а ее мать угощала гостя сладостями и лепешками лефсе. И хотя Юханнес за все время не произнес почти ни одного слова, мать выразила сожаление, что Арнольдуса нет дома и Юханнесу приходится довольствоваться женским обществом. На это Юханнес энергично затряс головой, словно хотел сказать, что она напрасно так думает.

После обстоятельных расспросов матери они поняли, что торговля на Офферсёе идет хорошо, но что в будущем он собирается оставаться шкипером на шхуне своего брата Эйлерта, которому по наследству должна была отойти и усадьба, и торговое дело на острове. Фру Линд задавала длинные вопросы, на которые можно было ответить коротко. Словно она заранее знала ответ и нуждалась только в «да» или «нет».

Стоило Юханнесу произнести подряд несколько слов, как он начинал заикаться. Иногда на первом же слогe, словно его пугало то, что ему еще только предстояло произнести. Из-за этих усилий он забывал делать промежутки между словами. И они сливались в один прерывистый поток.

Фру Линд не позволяла себе это заметить и терпеливо ждала, когда Юханнес преодолет все препятствия, а потом продолжала дружески расспрашивать его как о важных делах, так и о пустяках. И часто облегчала его задачу, сама отвечая на свои вопросы.

– Как я понимаю, единственное, чего вам не хватает, – так это спутницы жизни? – спросила она.

Юханнес благодарно несколько раз кивнул в ответ.

– Но вы еще молодой человек, у вас впереди много времени, – утешила она его.

– Нееееет! Ввввремя ииидет быыыстро, – серьезно ответил Юханнес, по-прежнему не сводя глаз с какой-то точки рядом с лицом Сары Сусанне.

Вскоре он как будто очнулся от глубокого сна и уже не мог ответить ни на один вопрос хозяйки. Он встал, так и не допив кофе. Потом обошел всех, пожимая всем руки. Амалии и Эллен, Анне Софии, их матери и последней Саре Сусанне. Лицо его было бесстрастно, но шея стала пунцовой, и он все время поглядывал на конверт, лежавший на буфете.

Как только он ушел, сестры набросились на шаль. Мать протянула Саре Сусанне письмо. Плавным изящным движением. Почти торжественно. Словно оно содержало привет от фран-

пузского «короля-солнца». Но Сара Сусанне не взяла его. Она внимательно разглядывала узор на ковре.

Мать вздохнула, с упреком взглянула на дочь и сама открыла письмо. Некоторое время она изучала его, потом выпрямилась, откашлялась и прочла таким голосом, каким обычно читала Рождественское Евангелие.

Уважаемая йомфру Сара Сусанне Бинг Линд!

Имею честь просить Вашей крохотной ручки, дабы Вы стали моей законной спутницей жизни и в счастье и в горести. Если Вы ответите мне согласием, Вы никогда не раскаетесь и никогда ни в чем не будете терпеть нужды! Следует сказать, что я намерен в скором времени приобрести лавку в Хавнесе у Юхана Урсуна. У меня есть на это средства, и, таким образом, у Вас будет свой собственный дом.

И еще: смею ли я просить Вас тактично не разглашать моего предложения в случае, если Вы мне откажете?

Преданный Вам

Юханнес Иргенс Крог, шкипер.

P.S.: Извините за почерк, мне привычнее писать цифры.

Кто-то провез по вымощенному камнем двору тачку на колесах с железным ободом. Под окном у входа в погреб болтали две служанки, вынесшие туда остатки воскресного обеда. Сара Сусанне смотрела на скворца, который в саду собирал урожай еще не созревшей рябины. День за окном был сверкающе ясный.

– Ну что?.. – склонилась к ней мать.

– Мама... – прошептала Сара Сусанне, и сидевшие вокруг сестры затаили дыхание.

– Надеюсь, ты не собираешься на всю жизнь остаться старой девой? – начала мать, когда Сара Сусанне так ничего больше и не сказала.

– Нет...

– Юханнес Крог очень симпатичный и красивый мужчина! И вполне солидный. Ему всего двадцать шесть лет! К тому же мы в родстве с ними через его отца, Йенса Крога. Арнольдус и Северин были крестными отцами его племянника. Мы с твоими единокровными братьями и сестрами тесно связаны с Крогами. Милая Сара Сусанне... А заикается он от того, что сильно нервничает.

– Вы заметили, у него глаза как у нашей Буланки? Такие же большие и блестящие! – воскликнула Анне София.

– Меня не пугает его заикание! Но...

Мать вздохнула. Она сидела слишком близко, их разделял только стол. Когда она положила руку на плечо Саре Сусанне, той показалось, что она уже попала в заточение.

– Ну, раз так, ладно... Можешь подождать с ответом до возвращения Арнольдуса. Никто не сможет сказать, что я к чему-то принуждаю своих детей!

– Может, он согласится жениться на мне, если ты ему откажешь? – засмеялась Эллен.

– Что за глупости! – Фру Линд вскинула голову и по очереди оглядела своих дочерей.

– Не все же выходят замуж по любви, – буркнула Амалия и смущенно взглянула на мать.

– А может, Сара Сусанне задумала купить себе отдельную усадьбу и жить вообще без мужа, как Иверине в Торстаде, – заметила Эллен.

Она имела в виду их единокровную сестру, которую они любили и к которой относились с большим уважением. Иверине прекрасно справлялась со своим хозяйством с помощью экономки Перулине. Никто не устраивал таких интересных рождественских вечеров, как она. У нее мужчинам не удавалось завладеть беседой и приходилось говорить о том, что интересно хозяйке.

– Любовь... она всякая бывает... Кое-кто ее не замечает, даже если она совсем близко... Хваленое бурление в крови мимолетно, как весенний шквал. На этом жизнь не построишь, – вздохнула мать.

– Но, мама! Ты всегда так красиво говорила о папе, разве это была не любовь? – мягко спросила Анне София.

– Милая Анне, тебе был всего год, когда он умер. У меня было много времени, чтобы подумать о нем и обо всех моих сиротках. Мне это стоило много любви и труда. – Мать снова вздохнула и поднесла к глазам носовой платок.

Когда Арнольдус вернулся домой и узнал о шали и о письме, лицо его озарилось широкой улыбкой.

– Замечательно! Сам Юханнес Крог! Ясная голова и, насколько мне известно, человек, не имеющий ни одного врага. Что тут скажешь? Один неженатый мужик дома – это еще куда ни шло, но ведь маму заботит, что у нее вообще слишком много непристроенных детей. Иаков, Хелене, Амалия, Эллен, Анне София, ты и я, – бойко перечислил он всех. – Она, бедняжка, ночами не спит, все думает, что с нами со всеми будет, особенно с дочерьми.

Сара Сусанне промолчала. Висячая лампа покачивалась на медных цепях. Стекло лампы походило на закопченный маятник, качающийся под потолком. Мать ходила по комнате на втором этаже. Решительные твердые шажки неожиданно замирали, а потом снова начинали свое однообразное движение. Как будто она останавливалась, чтобы прислушаться, или чуть не упала, или по какой-то другой причине нуждалась, чтобы кто-нибудь поспешил к ней на помощь. Когда мать начинала там ходить, Сара Сусанне, сколько себя помнила, всегда ждала, что вот-вот что-нибудь случится. Неритмичное постукивание каблуков, за которым следовала оглушительная тишина. И снова твердые шаги. Когда там проходил кто-нибудь другой, его шаги всегда имели конец. Мать же ходила бесконечно. Она не спешила спускаться вниз. Словно хотела напомнить своим детям, что ей надо о многом подумать, что у нее много забот и что ей приходится делать эти остановки, дабы их жизнь могла продолжаться дальше.

Арнольдус и Сара Сусанне были в гостиной одни. Накрахмаленные летние шторы колыхались, как мантии. Картофельный крахмал, тщательное спрыскивание и горячий утюг. Но к матери эти заботы не имели отношения. Она не занималась такими пустяками. Ей не приходилось даже намекать, что она не любит этого или чувствует себя слишком важной дамой для такой работы. Нет, вовсе нет. Просто всегда получалось, что в это время она или разбирала свой секретер, или должна была что-то проверить. До того как Марен вышла замуж, именно она распорядилась всем в доме и делала генеральную уборку, в том числе и гладила шторы. Теперь это как могли делали другие дочери или служанки.

Арнольдус всегда был чем-то занят, какая-то неприкаянность вечно гнала его из дому. Он почти постоянно чувствовал себя неприканным. Даже по воскресеньям. Особенно по воскресеньям.

– Если Юханнес купит Хавнес и начнет там свое дело, без жены ему не обойтись. По моему, тебе не следует тянуть с ответом. Здесь на каждом мысе найдется девушка, мечтающая выйти замуж.

Сара Сусанне пыталась заглянуть брату в глаза. Пыталась показать ему, что она ждет от него совсем других слов. Хотя и не знала, каких именно. Но то, что Арнольдус, которого она ставила выше всех людей, предает ее таким образом, было ужасно.

– Я думала, ты посмотришь на это с моей стороны... – начала она.

– Я так и делаю, дорогая... И не знаю никого, кто подошел бы тебе лучше, чем Юханнес.

– Неужели никого больше нет?

– А кто еще может быть? Что ты имеешь в виду?

– Значит, надо выходить замуж за первого попавшегося?

– Юханнес не первый попавшийся, – кисло возразил Арнольдус.

Но когда Сара Сусанне наконец поймала его взгляд, он тут же отвел глаза.

– Я надеялась найти у тебя поддержку, – прошептала она.

– А разве я тебе в ней отказал?

Сара Сусанне помолчала, ожидая, что он скажет еще. Арнольдус молчал, тогда она встала и наклонила голову. Пригладила руками юбку и пошла к двери. Медленно. Если бы он сейчас сказал ей хоть слово, произнес бы ее имя, она бы обернулась и бросилась ему на шею.

Три дня Сара Сусанне лежала в постели, у нее болело горло. Родным пришлось послать человека в Бё с сообщением, что она не может вернуться к обещанному сроку.

Хозяйка вообще была недовольна ее отъездом, можно было представить себе, что она скажет, узнав, что возвращение Сары Сусанне откладывается.

Мать пришла проведать больную и остановилась в дверях комнаты. Ей непонятно, как в это время года у человека может болеть горло. Нет-нет, она не осуждает Сару Сусанне за ее болезнь, она только сказала то, что думает. И закончила словами: «Бедная моя девочка!» Сара Сусанне знала, что, если она преодолет жжение в горле и расплатится, мать непременно войдет в комнату и сядет к ней на край кровати. Но она лишь отрицательно качала головой или согласно кивала. Это длилось недолго. Наконец Сара Сусанне смогла закрыть глаза и позволить времени идти своим чередом. Так или иначе, с этой жизнью было покончено.

Странно, что после сведения счетов с жизнью ее охватило небывалое спокойствие. Оказалось, что горячий черносмородиновый тодди с изюмом подействовал на нее точно так же, как в детстве. Выпив тодди, она вынула из чашки изюмину, положила ее в рот, и ей сразу стало легче. Сестры, одна за другой, заходили к ней в комнату. Им явно запретили донимать ее разговорами о письме. Они лишь останавливались вдали от больной, уверенные, что свою болезнь она привезла с собой из Бё. Пусть радуется, что лежит в постели, – на улице туман и идет дождь, на это можно смотреть и через окно. А вот им нужно идти в сад, чтобы нарвать ревеня, или помогать в доме по хозяйству.

Арнольдус не показывался.

На третий день Сара Сусанне проснулась очень рано и припомнила приснившийся ей сон. Она стояла у причалов возле лавки и ждала лодку, которая покачивалась во фьорде, но подходить к берегу как будто не собиралась. Неожиданно время года изменилось. Над фьордом закружился снег, однако лодки при сильном ветре шли без парусов. Она не чувствовала ни ветра, ни холода. Когда она повернулась к усадьбе, она увидела, как распускаются листья на залитых солнцем деревьях. Они были так близко от ее лица, что был виден даже пушок на маленьких листочках ивы. Цветной горошек карабкался по сетчатой изгороди, похожий на зверьков пастельных тонов, и распространял дивный аромат. Через мгновение цветки съжились и опали. Тяжелое дыхание пустоты окутало Сару Сусанне. Ей нужно было освободиться от этого. И она решила вымыть волосы, потому что вспотела и была вся липкая. Из цинковой бадейки шел пар, Сара Сусанне наклонилась, и ее распущенные волосы поплыли в горячей воде. Они закрыли собой все причалы и поплыли дальше в море, и она никак не могла их остановить. К тому же они цеплялись за подставки для сушки сетей и за прибрежные скалы, на которых сушили рыбу. Неожиданно она увидела Юханнеса Крога, он висел, зацепившись за самый высокий столб, и протягивал ей белоснежное льняное полотенце. Если бы это не выглядело так опасно, она бы даже засмеялась. Лица у него не было, но, проснувшись, она не сомневалась, что это был он.

Сара Сусанне встала с кровати, оделась, причесалась и села писать письмо.

Многоуважаемый шкипер Юханнес Иргенс Крөг!

Большое спасибо за Вашу красивую шаль и приятное предложение.

Я отвечаю «да». Вы сами решите, когда у нас будет оглашение.

Для порядка, должна обратить Ваше внимание на то, что моя матушка не располагает средствами, чтобы оплатить расходы на свадьбу. Что же касается меня, то меня устроит и самая скромная свадьба.

Я получу весьма небольшое приданое. Только мои платья и немного постельного белья.

Но долгов у меня нет. Моя матушка низко Вам кланяется!

Разделяю Ваше желание сохранить все в тайне.

Сара Сусанне Бинг Линд

Она попросила старого работника лавки, жившего у них на хлебах, взять лодку и доставить письмо лично Юханнесу.

После этого уехала в Бё и продолжала работать, как обычно. Хозяйка была рада ее возвращению и позаботилась навалить на нее столько работы, чтобы ей некогда было вздохнуть. Сара Сусанне решила не отказываться от места, пока не придет ответ от Юханнеса и не будет сделано первое оглашение. Работа помогала Саре Сусанне заполнить грызущую ее пустоту. Она не могла припомнить, чтобы когда-нибудь чувствовала себя такой безнадежно одинокой.

Но она просчиталась. Уже через несколько дней Юханнес приплыл в Бё и представился хозяевам Сары Сусанне как ее жених. Слово «жених» он повторил несколько раз не заикаясь. Он преподнес Саре Сусанне золотое кольцо с красным камнем и сразил наповал хозяйку, вручив ей письмо, в котором просил освободить Сару Сусанне от ее обязанностей как можно скорее, ибо он нуждается в присутствии своей невесты во время приготовлений к свадьбе.

Хозяйка мужественно, хотя и не без сожаления, отнеслась к предстоящему отъезду Сары Сусанне. Она от всего сердца пожелала молодым счастья, но очень просила, чтобы невеста осталась у нее до конца ноября. Юханнес возразил – это слишком долгий срок. Он рассчитывает, что свадьба состоится между Рождеством и Новым годом.

Тогда Сара Сусанне словно проснулась и заявила, что будет работать до середины ноября. Ей показалось, что таким образом она угодит и жениху и хозяйке. Ей было не по душе, чтобы кто-то, кроме нее самой, решал, сколько времени она останется на службе. Но она понимала, что на такие пустяки не следует обращать внимания, когда вручаешь свою судьбу в чужие руки.

Она еще не плакала. Поплакать она всегда успеет.

– Почему ты не носишь свое обручальное кольцо? – спросила у нее однажды хозяйка, когда они готовили желе из красной смородины. Кроваво-красный сок капал через край сосуда.

– Оно слишком дорогое, я не хочу его носить, пока у меня столько грязной работы, – решительно ответила Сара Сусанне.

– Он сам приедет за тобой пятнадцатого ноября?

– Да, он так сказал.

– Хочешь взять несколько свободных дней и съездить домой в Кьопсвик?

– Нет, спасибо. Это уже не мой дом.

Хозяйка с удивлением взглянула на нее. И наморщила лоб так, что он стал похож на бараний бок. Желто-красно-белый. Оставалось только свернуть его рулетом и поставить в духовку.

Остров Офферсёй

О скромной свадьбе речь больше не шла. Это было бы неприлично. О скромной свадьбе может идти речь, если люди бедны или, как говорится, *пребывают в стесненных обстоятельствах*. Молодые должны были венчаться в церкви в Лёдингене, а сама свадьба – состояться на Офферсёе. Там уже устраивались свадьбы. Эйлерт должен был быть шафером, как и купец Юхан Бордервик из Вогана. Он был женат на сестре Юханнеса Магдалене. В подружки невесты были выбраны сестры Сары Сусанне – Марен и Иверине.

Арнольдус отправился к Саре Сусанне в Бё, чтобы поговорить с нею о свадьбе. У нее не было никаких пожеланий. Решайте все сами, сказала она. Когда он спросил, не хочет ли она видеть в подружках невесты кого-нибудь более именитого, чем ее сестры, Сара Сусанне ему даже не ответила. Но на его нижайшую просьбу до свадьбы приехать домой решительно ответила отказом.

– Мама боится, что ты на нас сердишься.

– Все знают, что теперь мой дом будет в другом месте, – твердо сказала она.

– А как быть со всеми этими женскими вещами?.. С платьями и всем остальным?.. Мама хочет, чтобы ты примерила подвенечное платье, которое они с Марен подготовили тебе к свадьбе.

– Скажи маме, если она хочет что-нибудь мне отдать, пусть приедет туда, где я живу.

– По-моему, ты ненормальная!

– Думай как хочешь, – отрезала она. И настояла на своем.

Что касается некоторых интимных сторон брака, несколько простых советов Сара Сусанне получила от своей старшей сестры Марен, жившей на Хундхолмене, которая тоже приехала в Бё, чтобы поговорить с сестрой о ее свадьбе. Во-первых, Сара Сусанне должна перестать быть недотрогой, надо помнить, что она теперь замужняя женщина. О слезах не должно быть и речи, хотя в первую брачную ночь ей будет немного больно. Ее слезы могут огорчить мужа, и тогда он ничего не сможет. Чего не сможет, Марен объяснять не стала, но Сара Сусанне догадывалась, что это каким-то образом связано с настроением. Во-вторых, долг женщины вытерпеть то, что выльется из него, не выказывая отвращения. А то он может расстроиться еще больше. Она должна позаботиться о том, чтобы у нее под рукой была вода и полотенце, и, когда он уснет, незаметно подмыться.

Если она не хочет сразу же забеременеть, нужно после всего стиснуть себе живот, особенно его низ, словно она хочет помешать его семени проникнуть в ее самые потаенные уголки. Ибо именно там и происходит зачатие. Кроме того, следует сразу же встать и помочиться, учила она Сару Сусанне. Сама она не нуждалась в подобных советах, просто слышала, что это помогает.

Саре Сусанне показалось это таким сложным, что она решила лучше уж сразу стать матерью, хотя одна только мысль об этом вызывала у нее отвращение и страх.

* * *

Юханнес прислал письмо, в котором объяснял, что он не просто женится на ней, но горячо ее любит. Как он смог полюбить ее, если они были едва знакомы, это уже другое дело. Он писал странные слова: «Ты стала моей путеводной звездой» или «Я и не знал, что в моем сердце таится столько жара».

Такое непосредственное выражение чувств тронуло Сару Сусанне. Пусть это были только слова, какие обычно говорят до свадьбы, но этот человек ей определенно нравился. Он желал

ей добра, и она без принуждения ответила согласием на его предложение. Он писал, что ему хочется отвезти ее на пару дней в Кьопсвик, чтобы она повидалась с родными, а потом они заедут на Офферсёй – он хочет показать ей комнаты, в которых они будут жить, пока не завершится покупка Хавннеса.

Она ответила, что в Кьопсвике ей делать нечего и она охотно останется на Офферсёе уже до свадьбы.

Юханнес сдержал слово. Пятнадцатого ноября он приехал за ней. На большом карбасе, словно у нее было с собой много вещей. Ему помогал молодой парень. В Вестеролс-фьорде им мешал сильный боковой ветер, но когда они пересекали Хадсель-фьорд, ветер утих. В проливе Рафтсундет ветра почти не было, так что карбас двигался медленно. Горы подходили к самой воде по обе стороны пролива. Они блестели от изморози, но поля под тонким слоем льда были еще зеленые. Над отвесными черными скалами серели занесенные снегом вершины. Всю дорогу Сара Сусанне сидела в укрытии под кормой, там было тепло, сухо, и туда почти не долетали морские брызги и поваливший вдруг мокрый снег. Юханнес стоял у штурвала и правил карбасом. Его помощник укрылся под парусом.

Все казалось каким-то ненастоящим. Это был конец прежней жизни Сары Сусанне, но у нее хватило ума не горевать об этом.

Наконец по правому борту показался Стуре Мола, и они вошли в беспокойный Вестфьорд, который потребовал от Юханнеса напряженного внимания. Но, очевидно, он хорошо знал фарватер. Они легко вошли в «сапожок» перед Офферсёем. Почти всю дорогу Юханнес молчал. Но часто ей улыбался. Очень часто. Иногда он снимал кожаную фуражку и размахивал ею, словно Сара Сусанне стояла на берегу. И вообще вел себя как мальчишка, который украл лодку и, подняв парус, вышел в море.

На Офферсёе их явно ждали. Люди прибежали на берег и толпились на скалах. Пока мужчины помогали им причалить и вынести на берег немногочисленные пожитки Сары Сусанне, Юханнес спрыгнул с лодки на плоский камень и протянул ей руку. Едва она ступила ногой на камень, он подхватил ее на руки, подкинул и прижал к себе. А потом понес по скользким мосткам и дальше по дороге, к домам.

Не зная, что ей делать с руками, Сара Сусанне уверенно обняла его за шею. И чтобы как-то облегчить его ношу, крепко прижалась к нему. Иначе и быть не могло.

Люди захлопали и засмеялись. Кто-то что-то крикнул. Но Юханнес не обратил на них внимания. Несколько раз он поскользнулся, но, тут же снова обретя равновесие, продолжал нести ее к дому. Там он осторожно поставил Сару Сусанне на крыльцо перед своей матерью.

– Ханна! Покажи Саре Сусанне южную мансарду. До свадьбы она будет спать там! – распорядилась фру Крог. – Мне бы следовало спросить у твоей матушки, не возражает ли она, что ты приехала прямо к нам, – прибавила она и вздохнула. Они стояли в прихожей, еще не успев раздеться. Сара Сусанне почувствовала холодный запах начищенного серебра и топящихся печей.

– Если я достаточно взрослая, чтобы выйти замуж, значит, достаточно взрослая и для того, чтобы уехать из дома, – мягко сказала Сара Сусанне и скинула с себя шубку.

– Да, но ты забыла сказать ей, что...

Воцарилась тишина. Юханнес схватил шубку и обнял Сару Сусанне за талию. И все равно она испугалась, что заплачет. А этого ей сейчас хотелось бы меньше всего – следовало поскорее закончить этот разговор.

– Я предупредила ее... Но, может, вы недовольны, что я приехала прямо к вам? – тихо спросила она.

Ханна, невестка Юханнеса, открыла двери в гостиную. Мягкий свет лампы в комнате как будто смягчил холод. Юханнес взмахнул рукой и хотел ввести Сару Сусанне в гостиную.

– Помилуй тебя Бог, дитя, конечно нет. Но мне не хотелось бы с самого начала поссориться с твоей матерью, – сказала фру Крөг у них за спиной.

Сара Сусанне обернулась. Странный прием. Но что поделаешь.

– Не знаю ни одного человека, который смог бы поссориться с моей мамой! Она не такая! – громко сказала она.

Фру Крөг медленно вошла за ними в гостиную и многозначительно закрыла за собой дверь. Она не сказала им «Добро пожаловать!», как сказала бы мать Сары Сусанне, но выражение ее круглого лица над пышной фигурой постепенно смягчилось. Она как будто одной рукой дарила, а другой тут же отбирала подаренное. Сара Сусанне уже слышала, что ее будущая свекровь прижимиста, с улыбкой отдает самые строгие распоряжения и требует от всех трудолюбия и беспрекословного подчинения, в том числе и от своих домашних. С сыновьями она тоже была строга. Сара Сусанне быстро поняла, что весь дом словно насторожился перед ее приходом.

У Эйлерта, старшего брата Юханнеса, было крупное, серьезное лицо, которое расплывалось в улыбке, когда этого меньше всего ждали. Он говорил быстро и много, будто хотел наверстать то, что упустил Юханнес. Ханна, его жена, показала Саре Сусанне, где что находится, и помогла устроиться на новом месте. У нее были светлые выющиеся волосы, и она немного задыхалась, точно ее кто-то душил. Свекровь редко обращалась непосредственно к Саре Сусанне. Наверное, потому, что в этом доме от мыслей до слов был долгий путь. С другой стороны, Сара Сусанне не тосковала по непрерывному словесному потоку, характерному для ее матери.

И в первую ночь на Офферсёе, а значит, в последний день жизни, которая до того принадлежала только ей, она, укрывшись периной, вынуждена была признаться себе, что Юханнес ей нравится. По крайней мере, пока не пытается что-то сказать. Вынести его заикание было труднее.

Через несколько дней она привыкла к его большим рукам и ногам. Он показал ей усадьбу. Она спросила, где у них будет своя кухня, но он покачал головой и признался, что кухня у них одна. Она большая. Но это ненадолго. Ведь они скоро переедут в Хавннес.

Сара Сусанне кивнула. Поскольку Юханнес был немногословен, она тоже не говорила лишних слов.

С тех пор как он перенес ее с лодки на берег и донес до дома, она начала как будто иначе относиться к нему. Никто никогда не носил ее на руках, разве что в детстве. Он прижимал ее к себе так крепко, что она через одежду чувствовала тепло его тела. Не прибегая к хвастовству или к выпивке, чтобы набраться храбрости, он покорил ее своей силой. Даже противясь этому, она чувствовала его надежность.

* * *

– Боюсь, на свадьбе будет много рассуждений про приход-расход! – сказала Ханна однажды вечером. Они сидели в гостиной над списком гостей и решали, кого с кем посадить за столом.

– За едой не принято говорить о деньгах, – заметила Сара Сусанне.

– Увидишь, что будет, когда сойдутся Эйлерт и Юхан Бордервик.

– Но это же неприлично!

– Обычаи изменились, скоро ты сама в этом убедишься. Теперь каждый сам решает, что принято, а что – нет. Особенно мужчины, заложившие за воротник. *И наша фру Крөг...*

Последние слова были сказаны шепотом.

Сара Сусанне не любила таких разговоров и промолчала. Но вскоре поняла, что в оценке свекрови Ханна права. Нельзя сказать, что мать Юханнеса не была к ней расположена, дело было в другом. Фру Крөг обладала какой-то необъяснимой способностью в любую минуту

выжать из человека, так сказать, квинтэссенцию долга. И она настолько отличалась от матери Сары Сусанне, что все правила хорошего тона, усвоенные ею дома, были словно перевернуты с ног на голову. Если мать Сары Сусанне встречала всех, кто приходил в дом, долгими разговорами о человеческой доброте и превратностях судьбы, мать Юханнеса требовала выполнения долга и соблюдения порядка.

Вступление в брак

Свадьба состоялась не между Рождеством и Новым годом, а 19 декабря. Ведь невеста была уже на месте, и все важные гости успевали приехать к этому дню. Многих из них Сара Сусанне никогда раньше не видела, однако у них с Юханнесом было и много общих родственников. Она видела всех как в тумане. Их лица казались ей чужими и неестественными. Даже сестра Иверине, которая всегда и всюду оставалась самой собой, выглядела как-то странно. Словно всем им было немного грустно, но они это скрывали, веселясь и выпивая.

Благодаря покойному Йенсу Крогу, отцу Юханнеса, который когда-то не пожалел на аукционе пятьдесят семь спесидалеров, его семья владела теперь домом рядом с церковью в Лёдингене. Там должны были наряжать невесту. Черная печь гудела, снежные хлопья липли к стеклам. У двери растаявший снег образовал небольшое озерцо вокруг высоких сапог и другой обуви, шуб и пальто из домотканого сукна. Запах сырой одежды и обуви первым встречал каждого вошедшего в дверь. Деревянные коробки с закуской, расставленные на столах вдоль стен, искушали людей своим содержимым.

Фру Круг в меховой шубе сидела возле печки, в то время как фру Линд мешалась под ногами у прислуги, пытавшейся внести порядок в эту суету и неразбериху. Время от времени они обе что-то говорили, но никто не обращал на них внимания. Фру Круг пыталась сохранить превосходство – как бы то ни было, а она, как и полагалось, уже выдала замуж всех своих дочерей, а вот фру Линд сильно от нее отстала. Наверное, именно поэтому ее голос звучал особенно дружелюбно, а глаза и весь облик свидетельствовали о готовности прийти на помощь.

Пахло овечьей шерстью, смолой и потом. Иногда проплывал тонкий аромат розовой воды. Наконец безошибочно узнаваемый запах кофе заставил всех просиять. Этот призыв донесся из столовой, и разговор под низким потолком оживился. Все это напоминало вороний тинг¹.

– Если невеста уже одета, может, нам будет позволено войти в столовую? – крикнул кто-то за дверью.

– Еще не пора!

Сара Сусанне сидела за ширмой в окружении сестер и Ханны. Подвенечное платье было подарком от Арнольдуса. Семейное подвенечное платье, привезенное в холщовом мешке из усадьбы Линдов, ей не подошло. Она оказалась слишком маленькой и хрупкой и выглядела в нем несчастной девочкой. А вот на Марен то старое семейное платье в свое время сидело как влитое. Платье, которое теперь надели на Сару Сусанне, было сшито *по последней моде* портнихой из Страндстедета. Из тяжелого черного блестящего шелка, купленного в Бергене. Облегающий лиф, юбка в глубокую складку, широкие рукава с буфами и кружева на груди. Швы на рукавах раздражали кожу. Сара Сусанне чувствовала это и тут же об этом забывала.

Мать кружила вокруг Сары Сусанне и настаивала, чтобы она надела камею, хранившуюся в семье для подобных случаев. Ханна же считала, что слишком толстая игла камеи испортит шелк.

– Что ж, будем хранить ее и никогда никому не показывать, – вздохнула мать. – Деточка моя, ты сегодня прелестна, – прибавила она и приложила к глазам платок.

Брошь все-таки прикололи, и Ханна пожала плечами. Длинная семейная фата давно уже перестала быть белой и напоминала старый документ, извлеченный из купеческого сундука. По обычаю ее венчал миртовый венок. Мать постаралась и опустошила все цветочные горшки,

---

¹ Тинг – древнескандинавское вече. Слово сохранено в названиях многих законодательных собраний Скандинавии. – Здесь и далее примет, пер.

что стояли у них дома. Венок, к которому изнутри была прикреплена фата, никак не хотел держаться на голове.

– Прикрепите его получше, – попросила Сара Сусанне. Она позволила надеть на себя платье и расправить складки. Позволила расчесать себе волосы, завить и заплести косы. Позволила натянуть на себя три нижние юбки. Позволила им смеяться, не принимая участия в их веселье. Когда ей сказали, что она может встать, она встала. Когда попросили сесть, она снова села.

* * *

Юханнес произнес «да» не заикаясь. Впрочем, «да» – короткое слово. Это многим пришло в голову, пока молодые стояли перед алтарем. Молодожены и их родные приплыли в церковь на парусном судне. На нем развевался флаг, оно было украшено ветками можжевельника и фонариками и шло первым. За ним следовала армада больших и малых карбасов и лодок – всех, какие были на плаву. У мостков и причалов на Офферсее сразу стало тесно.

Один парень так рвался посмотреть на последний фейерверк, что упал в воду. На то, чтобы вытащить из ледяной воды стучащего зубами бедолагу, ушло время. Под крики и смех его отправили напрямик в поварню, чтобы он там оттаял. Тем временем дым от фейерверка развеялся. А сороки и вороны на заснеженных рябинах и под навесом крыши успели успокоиться.

Юханнес повторил доставку невесты домой точно как в первый раз. Он поднял ее на руки и покружил, словно хотел показать всем гостям. Потом прижал к себе и пошел к дому, не отрывая глаз от заснеженной дороги. Ее занесло, пока они были в церкви. Из-за суеты и неразберихи работник не успел расчистить дорогу. Однако большие ступни Юханнеса служили ему снегоступами, он, как будто вброд, шел по глубокому снегу, доходившему ему до края ботфорт.

– Отпусти меня, – прошептала Сара Сусанне, поняв по его дыханию, что ему трудно идти.

Но Юханнес не обратил внимания на ее слова. Он только потерялся подстриженной бородой о ее щеку и засмеялся. Низким, переливчатым смехом, который, наверное, прятал где-то в себе. Долго прятал.

За ними, как утиный выводок, тянулись гости. Сара Сусанне видела их через его плечо. Они были какие-то ненастоящие. Чужие. Словно из какого-то рассказа. Они смеялись. Гоготали. Квохтали. Женщины, приподняв юбки и повизгивая, пробирались по снегу в одних туфельках. Одна из них крикнула, что тоже хочет, чтобы ее понесли на руках. Ты не невеста, ответили ей. И все засмеялись.

После обеда, который был подан в столовой и в двух гостиных, гостей охватило неудержимое веселье, их голоса звучали как гул рассерженных пчел. Наконец столы убрали, Юханнес пригласил невесту, и начались танцы. Против ожидания, он двигался осторожно, хотя жених и невеста не успели заранее поупражняться в этом искусстве. Он даже отстранял Сару Сусанне от себя, чтобы случайно не наступить ей на ногу. Она вдруг поняла, что он все время думал только о том, как этого избежать. И ей стало страшно оттого, что отныне у них с Юханнесом нет никого, кроме друг друга. Очевидно, среди толпы гостей он чувствовал себя таким же одиноким, как и она.

Но вообще-то Саре Сусанне свадьба понравилась. Новое платье. Заботливая помощь сестер, хлопотавших над ее прической, пуговицами и кнопками. Хихиканье и смех. Тайны. Она даже не вспомнила, что это ее последний день в качестве невесты. Как можно быть такой глупой?

Сразу после полуночи, когда служанки начали менять свечи в подсвечниках и заново заправлять лампы, Юханнес наклонился к ней и незаметно показал на потолок:

– Ппппошшли нннаверх!

Конец. Она знала, что рано или поздно наступит конец. И когда Юханнес встал и подал ей руку, она приняла ее и последовала за ним. Словно он пригласил ее на последний танец.

– Разве мы не должны попрощаться с гостями? – пробормотала она.

Он отрицательно помотал головой и закрыл дверь, отделявшую гостиную от прихожей.

Они поднялись по лестнице. Лампа в коридоре на втором этаже сильно чадила. Сара Сусанне остановилась и подкрутила фитиль, Юханнес стоял и ждал ее. Потом осторожно обнял и повел в ту комнату, в которой они должны были спать.

Свадебная ночь Сары Сусанне зимой 1862 года была снежная и темная, звезд не было. Луна с трудом проглядывала в разрывах туч. Зато она светила прямо в их окно. Юханнес быстро осушил последнюю рюмку, которая сделала его храбрым, но не особенно внимательным. На комодe горела лампа, других он зажигать не стал. Полумрак избавлял новобрачных от созерцания деталей.

Сара Сусанне ломала голову, не зная, как сказать ему, что она только сейчас обнаружила, что у нее начались месячные. И ничего не могла придумать. Она пошарила в своем сундуке, но выпрямилась, так ничего и не достав из него. С растерянным выражением лица она застыла посреди комнаты. Он быстро с улыбкой взглянул на нее, потом обхватил обеими руками стекло лампы и задул огонь. И Сара Сусанне, словно боясь, что он передумает и снова зажжет лампу, начала срывать с себя одежду. Согнувшись и теряя равновесие. Сначала туфли и чулки. Потом незаметно стянула с себя вязанные прокладки и до поры до времени засунула их под ковер. По звукам и движениям его тени она поняла, что он снял жилет. В темноте забелела его рубашка.

Платье оказалось ловушкой. Тюрьмой. Сара Сусанне чуть не расплакалась. Тонким, чужим голосом она попросила Юханнеса помочь ей, и он рванулся к ней, словно речь шла о ее жизни. После долгих безрезультатных усилий он зажег свечу, стоявшую на тумбочке. Но и тогда далеко не сразу справился со всеми крючками и кнопками на спине платья.

– Какой дурак придумал, чтобы одежду было так трудно снимать? – пробормотал он.

Она не выдержала и засмеялась. Он тоже, в конце концов они смеялись уже вместе. Как будто с трудом опустили в могилу причинявший хлопоты труп. Им сделалось легко. Почти весело. Сара Сусанне подумала, что если бы все не было так сложно, он мог бы быть ее братом. Они бы могли вместе смеяться. Ведь теперь у нее больше нет Арнольдуса.

Через щели в полу до них доносились смех и голоса гостей. Половицы и ступени скрипели, словно все живое прислушивалось и хотело знать, что происходит у них в спальне. На лестнице раздался низкий голос брата Иакова. По нему было слышно, что Иаков не отказывал себе в пунше.

– Куда, к черту, подевались молодые? Сара Сусанне! Юханнес! Ложиться еще рано!

Кто-то на него шикнул и утащил обратно в гостиную.

Сара Сусанне услышала смех Ханны. Подумала, что и ей тоже пришлось пройти через это. И о сестре Марен, которая на мгновение обняла ее по дороге из церкви. Но смеха Марен она не слышала. Марен вообще редко смеялась.

Юханнес помог Саре Сусанне сохранить равновесие, пока она, спустив платье, не выбралась из него. Потом он задул свечу и начал раздеваться сам. В темноте, когда он ложился, она услышала, как он, дрожа от холода, проговорил со смехом в голосе:

– Чччерт, ну и ххххоооллодина! Пппрррииддется нам ггрреться самим!

Сара Сусанне не ждала, что он окажется голым. Это ее поразило. Она даже попыталась отстранить его от себя. Он тут же отпрянул, словно обжегся об нее. Перевернулся на другой бок и, заикаясь, проговорил, что спешить некуда, впереди у них вся жизнь. И хотя от него разило

пуншем, ей не было противно. Дело было не в этом. И не в том, что он голый. Наконец она решилась. Осторожно придвинулась к нему и, словно случайно, положила руку ему на плечо. Точно ждала, что он начнет защищаться. На мгновение оба замерли. Наконец он быстро, чтобы не передумать, повернулся к ней и крепко обхватил ее голыми руками. И они снова замерли. Он – как будто ждал от нее оплеухи. Она – просто потому, что не знала, что ей делать.

Очень осторожно Юханнес поднял на ней сорочку. Загрубевшие руки легли на ее бедра и вызвали в ней странное чувство. Она не двигалась, ощущая его кожу, твердые кости таза, теплые руки, губы, касавшиеся ее лица и шеи. Его волосатые ноги добродушно прикасались к ее ногам. Так же как и грудь. От него шло тепло.

И вдруг что-то произошло. Изменилось. Но не в голове, а в самом теле. Что-то непонятное, таившееся до времени в ее лоне, разлилось по всему телу. Похожее на голод томление, вызывающее чувство стыда. Впрочем, наверное, это был вовсе не стыд. Ведь о нем знал даже пастор. Он назвал это *плотью*.

И тогда она убедила себя не бояться того, что должен был сделать Юханнес.

Когда он заснул, Сара Сусанне встала, подмылась за ширмой теплой водой, сменила сорочку на ночную, нашла новую, связанную дома прокладку и прикрыла полотенцем испачканную простыню. Юханнес уже крепко спал, если бы он не храпел, она бы решила, что он умер.

Спать она не могла, и у нее было время подумать. Все оказалось вполне терпимым. Один раз она жалобно вскрикнула, и он на мгновение замер. Даже перестал дышать.

– Ничего, ничего, – успокоила она его.

Вскоре, заметив, что лицо Юханнеса покрылось испариной, она обняла его и снова прошептала те же слова. Но они как будто лишили его последней силы. Во всяком случае, он просто лежал и гладил ее. Гладил всю, с головы до ног. Если бы ей не было так стыдно, она бы даже решила, что никогда не испытывала ничего более приятного. В конце концов он завершил свою работу, и она больше не вскрикивала. Просто слушала доносившиеся снизу голоса и шум и думала, что все знают, что она лежит здесь с Юханнесом.

Потом, когда все было кончено, к Юханнесу вернулось нормальное дыхание, и он снова начал ее гладить. И у нее опять появилось чувство, что она вся превратилась в кожу. Самое худшее уже позади, думала она.

Когда за замерзшим окном забрезжил мутный рассвет, а их дыхание туманом окутало кровать, Сара Сусанне поняла, что она все-таки спала. Так или иначе, она, словно заблудившись, покинула самое себя и слилась с ним. С Юханнесом. Она осторожно соскользнула с кровати, чтобы сесть на стоявшее за ширмой ведро еще до того, как он проснется. Увидев то, что оказалось в ведре, она с ужасом представила себе, как выглядит их постель. Быстро натянув вязанные прокладки, она юркнула под перину.

Через мгновение Юханнес встал, не глядя на нее. Она лежала, прикрыв глаза, и ждала, когда он к ней обратится. Он не пошел к ведру, но натянул штаны и растопил печь. Когда печь загудела и в отдушине показались искры, он накинул куртку и вышел из комнаты. Вскоре служанка принесла большой кувшин с теплой водой. Легкий пар, выходящий над кувшином, потянулся к робкому дневному свету.

Юханнес отсутствовал недолго. До сих пор они не обменялись ни словом. Когда служанка принесла на подносе вкусный завтрак, он со спущенными подтяжками стоял за ширмой и вытирался. Сара Сусанне удивилась, что и он и служанка вели себя так, будто никого, кроме них, в комнате не было. Служанка, тоже молча, присела в реверансе и закрыла за собой дверь. Тогда Юханнес повернулся к Саре Сусанне и потер полотенцем подбородок.

– Оо! Ккккаккое ччудо! Кккофффе! Вввв ппостель! Вввв ддддессять уууттттра! – с трудом выговорил он наконец.

Поправив подушку и посадив Сару Сусанне в постели, он поставил ей на колени поднос с завтраком, потом откинул перину и забрался в постель рядом с ней. Его умытое лицо с короткой бородкой вдруг побледнело. Она поняла, что он все увидел. Большие засохшие пятна крови. Юханнес опустил перину и устался на Сару Сусанне. По его лицу она видела, что он пытается сдержать слезы, но все-таки они потекли у него по щекам.

– Бббоже ммиллостиввий! Пппррости мменя! Чччтто яяя ссс ттоббой сссделлал?

Он наклонился и обхватил ее руками. Бутерброды с мясным рулетом и свеклой оказались в опасности, лепешки соскользнули с тарелки. Мокрой щекой он прижался к ее лицу, и она почувствовала перегар вчерашнего пунша.

– Не бойся, просто у меня сейчас месячные, – прошептала она, и ей стало стыдно. – Я вчера не успела тебя предупредить... Ты так спешил...

Дождь жизни

Стоял июнь 1863 года. Ослепительный свет уже давно захватил остров Офферсёй. Невозможно стало полагаться на темноту ночи. Приходилось мириться с тем, что они ничего не могут скрыть друг от друга. Юханнес смотрел на нее. Со страхом, но не без гордости. Откуда у него эта гордость?

Без всякой причины, сидя за шитьем или работая в саду, Сара Сусанне вдруг ощущала рядом его тело и все то, что он проделывал с нею ночью. Ждала, когда они останутся наедине, только они двое. Закрытая дверь. Крючок. Он всегда запирает дверь на крючок. Крючок был старый, от него на косяке остался след. И с каждым разом, когда крючок свободно скользил по дереву, чтобы запереть Сару Сусанне и Юханнеса в их двойном одиночестве, этот след становился все глубже.

Она ждала, чтобы вечер подавил раздражение, вызванное дневными неприятностями. Свекровью. Высокомерным смехом невестки Ханны. Она не имела здесь ничего, что принадлежало бы только ей, кроме комнаты, в которой они спали. Все ограничивалось мушинными следами на подоконнике. Сара Сусанне тщательно смывала их. Выбрасывала за окно дохлых мух. Вечером, когда они оставались вдвоем, ей удавалось забыть о звуках, раздававшихся в доме. О скрипе, голосах, шарканье ног, неосторожном звоне посуды.

Ее никто не предупредил, что супружеская жизнь будет именно такой. Разве что невнятно намекали, что легко ей не будет, но надо постараться. Что это противно. Никто не сказал, что это может быть даже приятно. Она всегда думала, что приятно бывает только мужчинам. Вначале ее мучил стыд. Но когда Юханнес обнимал ее, стыд исчезал. Господи, спаси и помилуй! Ведь она даже не понимала, что он ей нравится, что так и должно быть.

Днем, когда Сара Сусанне видела его вместе с другими мужчинами, то, что она чувствовала к нему ночью, исчезало. словно она одна плыла в лодке – на море стоял туман, и она не знала, в какой стороне находится берег. Слушая, как он пытается и не может что-то объяснить работникам, она пылала гневом, который нельзя было никому показать, и в первую очередь – ему. Она пыталась мысленно управлять его словами, выдавливать их из него. Ей казалось, что если ее мысль будет достаточно сильной, слова сами собой, без помехи, слетят у него с языка. Она сердилась не на него. Ее терзало его бессилие, словно оно унижало ее самое.

Ночь была светлая. Сара Сусанне лежала без сна, прислушиваясь к морозящему дождю. Он дарил ей видения.

Краски. Линии переплетались, образовывали нечто целое. И она была частицей этого бескрайнего мироздания. Не выброшенной за ненадобностью, как ей казалось, когда ее выдавали замуж. Нет, она сама была целым миром. И может быть, не одним. Особенно когда думала о том, что способны сотворить, сливаясь вместе, маленькие капли дождя. Урожаи и наводнения. Ручьи. Глубокие реки. И вообще жизнь на Земле. А ведь она гораздо больше капли дождя. Об этом следует помнить. У нее есть воля. Когда она, как в эту ночь, просыпалась и слышала, что начался дождь, ей становилось тепло, словно кто-то гладил ее по щеке, и она ощущала запах розовой воды или вереска. Ей нравился и ветер. Но дождь все-таки больше.

Сара Сусанне помнила один случай, ей тогда было четыре года, а может, уже и пять. Кто-то долго искал ее, а потом нашел в саду. Было раннее утро, все еще спали. Она самостоятельно вышла из дома. Ей запомнилось что-то бескрайнее, матовое, точно покрытое серебряной бумагой, и она поняла, что это море. Вдали были лодки и чайки, неужели можно помнить то, что случилось так давно? Море показалось ей незнакомым, потому что она впервые увидела его одна, без взрослых. Ножи, ложки и вилки тоже выглядели иначе, если она без разрешения открывала ящик, где они лежали. Очевидно, тогда было лето, тепло, потому что, когда ее нашли, никто не бранил ее из-за мокрой ночной сорочки.

Почему человек одно помнит, а другое забывает? Она помнила, что шум дождя на улице был совсем не такой, каким он слышался, когда она находилась в доме. Разница объяснялась тем, что на улице она могла кожей ощущать его капли. И одновременно слушать, как он шумит.

Юханнес спал, повернувшись к ней лицом. Его обветренное загорелое лицо темнело рядом на белой подушке. Волосы и брови у него выгорели на солнце. Он ходил на шхуне в Берген и только накануне вечером вернулся домой. Недели без него показались ей бесконечными. Светлые, лежавшие на щеках ресницы. Беззащитный и в то же время упрямый рот.

Однажды, вскоре после свадьбы, разговор между ними застопорился из-за того, что у Юханнеса никак не получалось объяснить ей, почему затянулась покупка Хавннеса. Он был вне себя от отчаяния. Ему было мучительно трудно.

– Забудь о своем заикании, Юханнес. Мне оно не мешает. Просто говори, как можешь. И все, что хочешь.

Он совсем замолчал. Его лицо приобрело цвет весеннего льда, лежавшего на пруду. Это было не в первый раз. Лицо говорило: не приближайся ко мне! Неужели он подумал, что она хотела его обидеть? У нее и в мыслях такого не было. Но может, она не проявила достаточного терпения? Наверное, он просто не привык к тому, что кто-то говорил с ним о его недостатке. В комнате, кроме них, никого не было, поэтому она взяла его за плечо и велела повторить то, что он хотел ей сказать. Тогда он отвернулся и вышел из комнаты. Больше она на эту тему никогда не говорила.

Сара Сусанне слышала, что дождь усилился. Он падал отвесно. Она понимала его шепот. Видела, как падают отдельные капли. На листья, на крышу, на камни. Как каждая капля находит свой путь среди всех остальных? Ведь дождь такой частый. Капли почти сливаются друг с другом. Стекают с крыши, падают в бочку для воды, в траву, на скалы, в горные расселины. Бегут к морю по крутым склонам. Струятся по гриве лошади, что щиплет траву. По вьющейся шерсти овец, что пасутся в горах, и от овец пахнет, как от свалявшихся морских рукавиц. Падают на ромашки, гнущиеся под их тяжестью. Находят путь к вздущемуся от воды ручью, и шум их меняется. Едва слышное шуршание превращается в бурление и свистящий клекот. Она слушала эти знакомые звуки и не могла не слушать.

Неожиданно у нее в животе несколько раз взмахнула крылом птица.

Сара Сусанне бесшумно встала, спустилась вниз, миновала прихожую и вышла во двор, не одеваясь, только накинула на ночную сорочку большую шаль. Босиком она пошла к колодцу и остановилась, заглядевшись на морских птиц, летавших над пригорком, на котором стоял флагшток. Лицо и волосы у нее постепенно намокли. И тонкая сорочка тоже. Между грудями и по животу бежали холодные ручейки. Дождь продолжался. Птицы притихли, но никуда не делись. Как и легкая зыбь на море и жизнь у нее в животе. Как и она сама? Она вдруг поняла, что нельзя забывать и себя. В ней что-то зашумело, сильно-сильно. И в ней и в дожде.

Хотя вообще было тихо.

Неизвестно откуда ей в голову пришла странная мысль. Элида! Если родится девочка, я назову ее Элида!

* * *

Теплым августовским днем Сара Сусанне сидела на солнце за домом и шила распашонку. Ее беременность была уже заметна. С тяжелым вздохом она встала. Она сбежала из гостиной свекрови, не сказав никому, куда идет. Этого делать не следовало. Ведь ребенку у нее во чреве в любую минуту может понадобиться помощь, а потому домашние всегда должны знать, где ее можно найти. Объяснить им, что она разумное существо, а не просто существо, которое вынашивает потомка Крогов, было невозможно. Неужели ей не дозволено даже, сидя на солнышке, шить *распашонку* для своего ребенка?

С распашонкой в одной руке она потеряла другой спину и потянулась. Глаза, скользнув по пристани, заметили выходящего из-за лавки брата. Арнольдус! Ее охватила радость. На глаза навернулись слезы. Мир расплылся, словно она смотрела сквозь старинное стекло. Мгновение – и он уже стоял перед ней. Они одновременно выкрикнули имена друг друга. Она встала, и они обнялись, смущенные, словно тайные любовники. Он сел рядом с ней на скамейку и неловким движением, которое она так хорошо знала, снял куртку.

– Почему ты так долго не приезжал? – упрекнула она его.

– Не было времени. У меня мало помощников, и в лавке и в усадьбе.

Арнольдус расспросил ее, как она себя чувствует и когда ждет ребенка, коротко ответил на ее вопросы о Кьопсвике, о матери и обо всех близких, а потом замолчал и принялся рассматривать свои руки. Она хорошо знала брата, его явно что-то тревожило.

– О чем ты думаешь? – спросила она, опустив шитье на колени.

– Хочу поговорить с тобой об одном деле. – На лице у него появилось беспомощное выражение.

– Что случилось?

– У меня неприятность... Но тебе следует знать об этом... От меня забеременела одна девушка! – выпалил он одним духом, словно всю дорогу до Офферсёя повторял эти слова и теперь наконец произнес их вслух. Он даже назвал ее имя и сказал, что она из Тёрнеса.

Сара Сусанне как будто не слышала его. Несколько раз она открыла рот, словно хотела что-то сказать. Непостижимо! Она не могла в это поверить. Нет! Только не Арнольдус, не ее брат! Наверное, он просто хочет хоть чем-нибудь ее поразить. Придумал эту историю, чтобы позабавить ее, потому что поверить в это было невозможно. Тем не менее она представила себе девушку, ставшую несчастной по вине ее брата, хотя не знала ее и не могла припомнить, чтобы когда-нибудь с ней встречалась.

Она всегда знала, что Арнольдус неравнодушен к девушкам. Знала его привычку смотреть на них, разговаривать с ними, переглядываться и оказывать им мелкие, даже ненужные услуги. Это касалось не только чужих, но и ее, и сестер, и матери. Даже служанок. Всех без исключения. Но то, в чем он признался сейчас, было другое. Отвратительное. Только не Арнольдус! Не ее брат!

– И когда же теперь будет свадьба? – наконец спросила она.

Он помотал головой, не глядя на нее. Буркнул, что именно об этом он и должен с нею поговорить. Мать еще ни о чем не знает, да ей и не следует этого знать. Он уже взрослый и самостоятельный человек. Но жениться на Регине он не может. Он, конечно, позаботится о ней, но в дом не приведет.

Неожиданно картина изменилась, теперь Сара Сусанне не видела его лица. Он взял эту Регине силой или обманул, позволив поверить, будто собирается жениться на ней! Арнольдус вдруг превратился в демона. Она не узнавала его.

– Но, господи, Арнольдус, ты же не можешь бросить ее в таком положении!

– У меня нет выхода...

– А что она говорит? Сколько ей лет?

Арнольдус сидел, уставившись в землю, потом расстегнул воротничок и повертел шеей, на которой выступили жилы, словно он с трудом сохранял чувство собственного достоинства. Наконец он сдался и умоляюще взглянул на сестру. Да, она всегда знала, что внешность ее брата нравится женщинам. Ей и самой было приятно смотреть на него, во всяком случае – до той минуты, пока стена позора не отгородила его от нее.

– Столько же, сколько тебе, – ответил он. – Она не может оставить у себя ребенка, не смеет привезти его к родителям...

– Ты должен сейчас же поехать к ее родителям и попросить за нее! Сейчас же!

– Перестань, я не могу в это вмешиваться!

– Но ты должен! Если бы такое случилось со мной, я бы сразу утопилась!

– Не говори так! Утопилась... – Он мрачно смотрел на берег, словно только что понял, как это серьезно.

– Как это случилось?

– А то ты сама не знаешь, как это случается!

– Нет, не знаю. Мужчина не должен этого допускать! – в отчаянии воскликнула она.

– Тише, пожалуйста, тише! – взмолился Арнольдус и украдкой взглянул на открытую дверь дома.

Сара Сусанне немного успокоилась, но гнев еще сжимал ей горло и застилал глаза. Неужели сидевший перед ней глупец – ее брат? Он пригладил растрепавшиеся волосы и по-прежнему умоляюще смотрел на нее.

– Что в этой Регине тебя не устраивает? Не ты ли сам считал, что я должна выйти замуж за Юханнеса только потому, что он хороший человек? – сердито спросила она.

Арнольдус не ответил, но его глаза не отрывались от нее, в них была мольба.

– Как ты себя чувствуешь? – спросил он через некоторое время.

– Все бы хорошо, если б не ты!

– Я только хотел спросить у тебя совета...

– Я считаю, что ты негодяй! – выдохнула она над своим большим животом, скомкала в руке недошитую распашонку и уколола палец. Из пальца на маленький недошитый воротничок капнула кровь.

Арнольдус наклонился и схватил ее руку. Сунув ее палец себе в рот, он искоса смотрел на сестру. Она сжала губы и сердито дышала через нос, потом ответила ему холодным взглядом. В таком положении им были видны только глаза друг друга. Не будь Сара Сусанне так зла, она бы сейчас рассмеялась. Они были похожи на двух мелких палтусов, у которых глаза на одной стороне.

Наконец он вынул изо рта ее палец и проверил, перестала ли идти кровь. Но руку ее не отпустил.

– У тебя кровь и сладкая, и соленая, – кашлянув, сказал он и снова заговорил о своем деле. Сара Сусанне знала своего брата как облупленного. Она сдалась. Никто не мог устоять перед Арнольдусом. Вот и эта девушка не устояла.

– Что ты еще хочешь мне сказать? – холодно спросила она.

– Этот ребенок... Как думаешь, может, сестра Марен и ее Юхан согласятся взять его к себе на Хундхолмен? Они давно хотели ребенка, да вот как-то не получилось.

Несколько минут ей казалось, что Арнольдус хотел бы, чтобы она сама взяла этого ребенка. Но это было невозможно.

– Поговори с ними, – помолчав, сказала она.

– Я думал, не могла бы ты...

– Ты должен сам поговорить с ней! Тебе она тоже сестра! – воскликнула Сара Сусанне.

Он опять бросил взгляд на открытую дверь дома.

– Мы с Марен не очень ладим.

– Почему?

– Это долгая история. С самого детства... Ей всегда казалось, что родители ко мне относились лучше, чем к ней. Особенно мама после смерти отца.

– Наверное, она права. Мама долго признавала только тебя! – вырвалось у Сары Сусанне.

– Знаю, знаю...

– Ты мог бы поговорить с Марен и об этом.

– Не стоит все валить в одну кучу. У тебя с нею такие хорошие отношения.

Сара Сусанне глубоко вздохнула. Ребенок в ней возмущенно запротестовал.

– Неужели ты такой трус?

– Да! – признался он и провел рукой по лицу. Но взгляд у него был дерзкий. Как и проглянувшая улыбка.

* * *

Фру Крог протестовала.

– Ты не должна подвергать себя такой опасности, ведь ты уже на сносях, – строго говорила она.

Однако Сара Сусанне стояла на своем: она хочет навестить сестру, живущую на Хундхолмене, пока Юханнес ушел на шхуне в Хельгеланд. Она не собиралась выходить из подчинения свекрови. Нет. Так или иначе, но та не уступила и заставила Эйлерта отправить с ней на лодке опытного парня. Спускаясь по тропинке к причалу и радуясь холодившему лицу ветру, она уже чувствовала себя свободной. Они вышли в море, Сара Сусанне сидела на носу лодки, как курица на яйцах. С закрытыми от солнца глазами она наслаждалась поездкой, несмотря на то что впереди ее ожидало нелегкое дело.

Марен, как всегда, хорошо приняла сестру. В доме пахло зеленым мылом и накрахмаленным бельем. Запах пищи изгонялся отсюда, стоило ему только появиться. У Марен не было места грязи. Люди говорили, что она вечно что-то стирает и убирает, потому что ей не надо заниматься детьми. А женщине необходимо иметь какое-то дело.

Сестры сидели одни в гостиной – изящные фарфоровые чашки, кофе, лепешки, смазанные маслом. Сара Сусанне продумала заранее каждое слово. Ничего лишнего. Не осуждая тех, о ком шла речь.

Марен отставила чашку и обхватила себя руками, словно хотела смахнуть пылинки. Однако ее округлившиеся глаза не отрывались от окна. Саре Сусанне сестра напомнила картинку с изображением сфинкса, которую она видела в одной книге.

Сестры не первый раз беседовали наедине. Именно Марен, а не мать, утешила Сару Сусанне и объяснила ей, что она совершенно здорова, когда к ней пришли месячные раньше, чем к сестре Хелене, которая была на год старше. Однако теперь, нося своего первого ребенка, Сара Сусанне словно обогнала и саму Марен.

– Почему же он сам не приехал ко мне с этой просьбой?

– Он думает, что ты не очень его жалуешь.

– Как можно жаловать человека, который обрюхатил девушку и теперь не собирается на ней жениться? Впрочем, наверное, этого следовало ожидать... хотя я об этом не задумывалась. Арнольдус всегда умел заставить маму, да и кого угодно, помогать ему. Теперь вот он использовал тебя. Он умеет заставить всех плясать под свою дудку.

– Ты права. Но сейчас речь идет не о нем, а о девушке и о ребенке, – напомнила Сара Сусанне.

Марен кивнула, но не спешила с ответом.

– Мне надо посоветоваться с Юханом, такое решение мы должны принять вместе. Взять ребенка, растить его в любви – это не шутка, – сказала она наконец. – Чужой ребенок, мы не знаем, каким он окажется.

– О своих детях мы тоже ничего не знаем.

– Ты права, – не слишком уверенно согласилась Марен.

– Подумай, тогда у нас с тобой появятся малыши почти в одно время. – Сара Сусанне даже разволновалась.

– Когда она ждет? – спросила Марен. Она все еще не выглядела убежденной.

– После Нового года. Они думают, в феврале... А я должна родить в ноябре!

Марен встала и подошла к окну, повернувшись к сестре спиной. Когда она обернулась, глаза у нее блестели, губы дрожали. Она никогда не казалась Саре Сусанне такой красивой. Ни

мрачности, ни суровости, ни озабоченности. Как быстро все изменилось! Марен улыбалась, а по лицу у нее катились слезы, и она была ослепительно красива!

– Я напишу ему... Арнольдусу. Пришло ему время доказать всем, что он настоящий мужчина. Пусть привезет с собой эту бедную девушку. Я хочу поговорить с ними обоими.

* * *

Девочку называли не Элида, а Агнес. Сара Сусанне поняла, что так хочет Юханнес. Он не объяснил ей почему. Она могла бы спросить у него, но они оба замкнулись в себе. Она – со своей болью, новыми ощущениями и ребенком. И всеми женщинами, которые постоянно окружали ее, словно были ее неотъемлемой частью. Он – поглощенный внешним миром. Шхуной и морем. После рождения Агнес он открылся Саре Сусанне с новой стороны. Она даже не предполагала, что он может оказаться настолько подавленным. Молчаливым он был всегда, к этому все давно привыкли. Но теперь он больше не улыбался, сверкая белоснежными зубами, как обычно улыбался вместо того, чтобы говорить.

Его шхуна постоянно уходила то на юг, то на север. Сара Сусанне перестала спрашивать Юханнеса о цели его поездок. Со временем она сама все поняла. Он уезжал из дома при первой возможности, стыдясь, что не смог исполнить обещания, данного в письме, в котором предложил ей руку и сердце. Он до сих пор не купил Хавнес. Поэтому вечером, когда он в своем блокноте написал «Агнес», она только кивнула. Жизнь вдруг повернулась так, что имя стало лишь мелким уколом. Для девочки ничего не изменится от того, что имя ей выбрал отец.

Хуже было то, что у Сары Сусанне не осталось ничего личного, ни одной двери, которую она могла бы по желанию закрыть за собой, кроме двери в ее спальню. Казалось, на Офферсёе не хватает воздуха для этих трех женщин – фру Крог, Ханны и самой Сары Сусанне. В Бё, где она служила, она чувствовала себя гораздо свободнее. Нельзя сказать, чтобы здесь домашние к ней придирались, просто они обращались с нею как с ребенком, с которым можно не считаться. Сара Сусанне с трудом терпела их высокомерие. «*Нет, Сара, у нас принято делать это иначе!*»

Однажды, вскоре после рождения Агнес, Сара Сусанне разбирала в коридоре на втором этаже выстиранные вещи. Застав ее за этим занятием, фру Крог заметила, что для этого дела существуют служанки. Сара Сусанне вспылила.

– Когда захочу, тогда и буду разбирать пеленки моей дочери! – не подумав, возразила она.

Фру Крог уставилась на нее, как будто увидела привидение. Потом натянуто улыбнулась одним уголком губ, другой даже не дрогнул, словно был парализован.

– Ты меня неправильно поняла! Я хотела как лучше.

– Не надо делать мне замечания из-за таких пустяков. Подумаешь, *пеленки!* – Последнее слово прошипело, как вода, капнувшая на раскаленную плиту.

Можно было подумать, что фру Крог оскорбится и перестанет донимать Сару Сусанне. Но она еще до рождения своих невесток привыкла, чтобы все делалось так, как ей угодно. А потому продолжала их воспитывать.

Однажды Сара Сусанне налила себе стакан молока. Она любила, чтобы молоко стояло у нее под рукой, когда она кормит ребенка грудью, чтобы, почувствовав головокружение, сделать несколько глотков. Потом она удобно расположилась на скамье в кухне. Неожиданно на кухню из сеней вошла свекровь. Бросив быстрый взгляд на Сару Сусанне, она сделала ей замечание, что кружка, которой наливают молоко, должна висеть рядом с ведерком с молоком.

Служанка, помогавшая кухарке, с испугом взглянула на них и выбежала в сени. Было слышно, что она повесила кружку на место.

– Это мой грех, служанка не виновата, – сказала Сара Сусанне и неожиданно расплакалась. Это был даже не плач, а вой. Фру Крог повернулась к ней так резко, что завязки на ее

переднике взметнулись вверх. На этот раз она покинула кухню, не сказав больше ни слова. Сара Сусанне поняла, что уход свекрови был вызван не ее срывом, или как еще это можно было назвать. Нет, фру Круг стало стыдно оттого, что Сара Сусанне плакала на кухне, можно сказать, у всех на глазах. Это свидетельствовало не только о состоянии рыдающей невестки, но и об отношениях в семье, об отношениях, царивших в доме, обо всем. И фру Круг была не намерена мириться с этим безумием.

Сара Сусанне чувствовала себя цыпленком, вылупившимся под печкой в коробке с шерстью. И спрятаться, кроме как в этой шерсти, ей было негде. Неожиданно она вспомнила мать. У них в Кьопсвике такое было бы невозможно. Мать бросилась бы обнимать и утешать любого, кто заплакал бы у нее на глазах.

Вечером, уже в постели, она спросила у Юханнеса, боялся ли он когда-нибудь своей матери. В комнате было темно, и она не могла видеть его лица, наконец он ответил, делая большие паузы между словами. Да, мать была очень строга с детьми, особенно с дочерьми. А вот сыновьям доставались подзатыльники.

Сара Сусанне ждала, что он спросит, чем вызван ее вопрос. Но он не спросил. Ей хотелось рассказать ему, что произошло на кухне, да как-то не получилось. Она лежала и думала о том, как отношение окружающих влияет на людей. Конечно, Юханнес всегда заикался. Он был не такой толстокожий, как его брат Эйлерт. От того все отскакивало, как от стенки горох. Его жена Ханна тоже, по-видимому, обладала этим качеством. Она словно складывала в карман передника все замечания свекрови, чтобы при удобном случае поквитаться за них.

– Ваша мать всегда к вам придиралась? Ты поэтому начал заикаться? – спросила Сара Сусанне в темноте, готовая к тому, что он, как в прошлый раз, встанет и уйдет из спальни.

Юханнес ответил не сразу. Через тюфяки и подушки тишина поднялась с пола и проникла в Сару Сусанне. Наконец он придвинулся к ней. Точно качнулся. Зажег свечу и нашел свой блокнот.

«Мать тут ни при чем, это мой недостаток», – написал он изящным энергичным почерком.

– Но ведь ты не любишь, когда другие говорят о твоём недостатке, – прошептала она.

Некоторое время они молча прислушивались к дыханию друг друга и сопению ребенка в люльке. Потом она нашла под периной его руку.

– Не думай о Хавннесе, Юханнес. Я знаю, что рано или поздно ты его купишь! Помни, ты внук Эйлерта Круга, который был фогтом² на Лофотенах и в Вестеролене!

---

² Фогт – судебный пристав.

Мечта о доме

Маловероятно, чтобы когда-то в Варг-фьорде водились волки³. Но кто знает. Некоторые считали, будто это название имеет немецкие корни – хотя при чем тут немецкий? – и означает «душить», «сжимать». И что возникло оно из-за узкого рукава фьорда. Впрочем, это не имело значения. Волков боялись и убивали с древних времен.

Когда Юханнес первый раз посетил Хавннес и захотел его купить, ему показали документ, в котором говорилось, что в 1856 году на осеннем тинге владельцу Хавннеса было дано разрешение на открытие там постоянного двора и ведение торговли. Формулировка была та же самая, которой воспользовался король Кристиан VII, когда разрешил открыть торговлю на острове Барёе шестьдесятю годами раньше. Кроме всего прочего, документ гласил: «Постоянный двор не следует превращать в место для распития крестьянами крепких напитков или для их праздного времяпрепровождения или использовать не по назначению каким-либо другим образом. Сие будет караться лишением данного разрешения и полным прекращением деятельности».

Юханнес выписал это в свой блокнот, чтобы повеселить Сару Сусанне. В первое время он много писал ей о Хавннесе. «Гавань на мысе» – место соответствовало своему названию, хотя не всегда было возможно войти в эту гавань на больших судах. Усадьба лежала у самой гавани, хорошо защищенная от ветров и непогоды. Юханнес даже нарисовал Саре Сусанне карту. Хавннес значительно оживился после того, как там открыли торговлю. Теперь рыбаки и путники постоянно приезжали в лавку или же искали в гавани укрытия от непогоды. Некоторые останавливались там на одну-две ночи, а потом продолжали свой путь вдоль побережья, кто на север, а кто на юг. Юханнес знал, что торговцы из Лиланда, Фагернеса, а также из Лёдингена и Тюс-фьорда протестовали против того, чтобы владелец Хавннеса Урсин получил разрешение на открытие лавки.

Однако Урсин все-таки получил такое разрешение на основании документа, в котором говорилось, что в столь большом и густонаселенном округе необходимо иметь свою лавку с постоянным двором. Оттуда до ближайшей лавки в любую сторону было много миль. И власти полагали, что появление в округе нового торгового места и конкуренции принесет только пользу. Прежнее мнение, основанное на том, что Север – неподходящее место для предпринимательства, ибо жители его незрелы и легкомысленны, как дети, а потому не способны к торговле, давно устарело, говорилось в том документе.

В 1857 году у Урсина в гавани уже стояла шхуна «Надежда» водоизмещением в семнадцать коммерселестеров⁴. Экипаж состоял из шкипера и трех матросов. Кроме того, у него была еще одна шхуна с прямым парусом – «Олине Кристине». Несколько лет, пока шла сельдь, Урсин жил как в сказке. Но он привык жить на широкую ногу, а сказка не может длиться вечно. Как бы там ни было, а он не без оснований вот уже два года пытался продать Хавннес за большие деньги.

Юханнес посоветовался с Эйлертом и решил, что предложит за Хавннес вполне приличную, хотя и не самую высокую цену. Ведь ему потребуется еще много труда и средств, чтобы все там наладить. Он полагался на будущее, надеясь на торговлю, свои суда и постоянный двор. Однако Урсин тянул с ответом. Видно, надеялся, что кто-нибудь другой предложит ему больше. Дело застопорилось, и Юханнес с женой были вынуждены жить на Офферсёе.

Сара Сусанне могла бы обвинить мужа в несостоятельности и хвастовстве во время сватовства, но у них были другие отношения. Позор Юханнеса был и ее позором, бессилие

---

³ Варг (от норв. Varg) – волк.

⁴ Коммерселестер – старая норвежская мера водоизмещения, равная 2,08 тонны.

Юханнеса – ее проклятым бессилием. Еще у хозяйки в Бё она поняла, что давать волю чувствам можно только перед сном, когда свет уже погашен. Здесь же рядом с ней был Юханнес. Однажды, когда ее молоко было разбавлено слезами, вызванными замечаниями свекрови, она дала себе слово, что больше этого не повторится. Но тот, кто это заметил, мог видеть также и морщинку, иногда появлявшуюся у нее между бровями. Она предупреждала о внутренней буре. Сестра Иверине, которая приехала проведать Сару Сусанне после рождения Агнес, дала ей такой совет:

– Не принимай слишком близко к сердцу того, что говорит фру Крог. Она всегда была придирой. К тому же преувеличенные огорчения и радости – занятие для тех, у кого много досуга.

В конце лета 1864 года Юханнес написал Урсину письмо, в котором сообщал, что хотел бы «приехать в Хавннес вместе с женой, чтобы взглянуть на все ее глазами и уже тогда сделать ему окончательное предложение». Ответ пришел незамедлительно. Их с радостью примут в Хавннесе.

Сара Сусанне только что отняла Агнес от груди, и Ханна обещала позаботиться о ребенке, пока они будут отсутствовать. В восьмивесельной лодке под лучами нежаркого солнца их было только двое. Лодка легко скользила между Барёем и Тьельдодденом, Сара Сусанне подставила лицо легкому ветру, над их головами лениво летали чайки. Пролив Тьельдсундет блестел, как гладкое начищенное серебро, так что лодка шла не слишком быстро.

Как только они свернули в Варг-фьорд, она поняла, почему Юханнес выбрал именно это место. Сразу за узким горлом фьорда начинался залив, защищенный со всех сторон, – переливающийся зеленый мир, не подвластный ветрам. С обеих сторон по крутым склонам из болот и лесочков бежали ручьи. Пятнистые горы были похожи на больших неподвижных тюленей, отдыхающих на солнце. Насколько Сара Сусанне могла судить, покосы здесь были богатые – кругом все утопало в зелени. Берега были красивы, хотя в некоторых местах, по ее мнению, мелководье слишком далеко уходило в море.

У Урсина их уже с нетерпением ждали. В большой гостиной подали кофе с ликером и лепешками. Двери и окна были распахнуты, кружевные гардины слегка колыхались на сквозняке. Плюшевые кресла были украшены кистями и витым шелковым шнуром. Керосиновые лампы с фарфоровыми абажурами вставлены в изящные, прикрепленные к стенам кронштейны. Похожее на пальму растение, высившееся на пьедестале, тянуло из угла свои ветви. Но горшков с геранью на подоконниках не было. Видно, фру Урсин знала, что комнатным растениям необходимо больше света. Спинки и подлокотники стульев и кресел были прикрыты вязаными салфетками. Хотя было ясно, что детей в эту комнату не допускали.

– А что вы будете делать с мебелью? Заберете с собой в Нарвик? – спросила Сара Сусанне.

– Этого мы еще не решили, – протянула фру Урсин, в ее голосе так и слышался вопрос: «А сколько вы за нее дадите, если мы сторгуемся относительно усадьбы?»

Пока мужчины занимались счетами, лавкой и пристанью, Сара Сусанне вместе с хозяйкой осмотрела дом.

У фру Урсин было пять служанок, но она считала, что это слишком мало для дома, лавки и постоянного двора.

– В доме необходимо иметь еще горничную и кухарку! Но стоило мне заикнуться об этом, как мне говорили, что все люди нужны в лавке, на причале и в поле. Вот взгляните, – вздохнула она и показала в окно на пятерых косцов, которые, идя друг за другом, косили луг.

Сара Сусанне никогда не вела такого большого хозяйства, да и слова фру Урсин звучали как упрек мужу, поэтому она только смущенно кивнула в ответ. Хотя ей было ясно, что траву необходимо скосить, высушить и убрать под крышу до начала дождей.

– Но ведь этим работникам платят отдельно? – все-таки спросила она.

– Конечно! Но мой муж всегда говорит, что платят им из одного кармана! Он не понимает, что рыбаки, направляющиеся на Лофотены или возвращающиеся оттуда, останавливаются у нас на несколько дней, поэтому нам нужно иметь в доме достаточно прислуги. Мы печем сразу по пятьдесят буханок хлеба, значит, кто-то должен топить печь, ставить и месить тесто, следить за огнем. Хлеб печется на можжевельных углях, значит, кто-то должен заготавливать можжевельник. Всего не перечислишь... А стирка белья, уборка... Постояльцы оставляют столько грязи!..

– Они живут в доме для приезжих? – спросила Сара Сусанне.

– Конечно. Иначе в главном доме будет такой запах... У нас в доме живут только те, кто приезжает с багажом и питается за нашим столом.

Сара Сусанне слушала и запоминала. Она поняла, что когда они с Юханнесом станут владельцами этой усадьбы, счета лавки, причалов и судов нельзя смешивать с тем, что тратится на домашнее хозяйство. Но была уверена, у них с Юханнесом не возникнет из-за этого споров. Юханнес понимал, что в словесных перепалках он не силен, давно с этим смирился и знал, что на него работает время. Уже не один раз, когда между ними возникали разногласия, его порок как будто заставлял ее одуматься, и дело решалось полюбовно.

Приусадебных служб в Хавнесе было много. Кроме жилого дома, здесь была большая пристань с пакгаузами, причалы, поварня, дом для приезжих и башня с колоколом. Стена жилого дома, обращенная к морю, была обшита тесом и выкрашена в белый цвет, подзоры и наличники были синие. Стены же, выходявшие на горы и поля, были некрашеные. Здесь не очень заботились об оборотной стороне медали. Но дом был большой, светлые комнаты смотрели на море, в большую кухню с кладовкой вел отдельный ход. К парадному входу с двумя скамейками по обе стороны двухстворчатой двери была пристроена веранда. Резные столбы веранды были обвиты хмелем, верх столбов венчали выточенные шары. Изгородь когда-то была белая, но дождь и ветер давно стерли краску, и на калитке, ведущей к морю, сохранилась только одна створка. Березы, шиповник, ревень и малина старались заглушить друг друга. Тут, чтобы привести все в порядок, требовался садовник.

На втором этаже было шесть спален, в коридоре стояли шкафы для белья. И наконец, темный чердак и мансарда с большим окном в нише, смотрящим на море. Сара Сусанне подумала, что ей хотелось бы сделать здесь свою комнату, подальше от всего, что происходит в доме. Она повесила бы там тяжелую медную лампу, которую привезла с собой из дому, но так и не нашла для нее места в доме свекрови. Сделала бы дымоход в брандмауэре и поставила в комнате небольшую печурку.

Лавка, дом для приезжих, пакгаузы и склады были выкрашены в красный цвет. Кузница и лодочные сараи – просмолены. Необшитые бревна хлева и других хозяйственных построек сильно пострадали от непогоды. Но если она не ошибается в Юханнесе, очень скоро эти старые бревна будут обшиты тесом, а задняя стена жилого дома покрашена.

– Хорошая усадьба, – сказала Сара Сусанне.

– Да, не правда ли? – сладким голосом подхватила фру Урсин. – Особенно для тех, кто намерен связать с нею свое будущее.

– Но вы, кажется, не собираетесь этого делать? – осторожно спросила Сара Сусанне.

– Я все это не очень люблю. Слишком много забот, а я уже не так молода, как вы...

По пути домой Сара Сусанне поделилась с Юханнесом своими соображениями:

– Не думай, что здесь все сразу нужно приводить в порядок. Усадьба в неплохом состоянии. Что касается меня, я бы собрала свой сундук с приданым, взяла люльку и, недолго думая, переехала в Хавнес. Куда важнее нанять нужных работников. Хорошие помощники лучше, чем выкрашенный дом или чайный сервиз. Я не хочу, чтобы Агнес чувствовала себя брошенной из-за того, что у ее мамы слишком много хлопот.

Юханнес с ней согласился.

– Еще я заметила, что труба на поварне дала трещину. Наверное, починить ее будет не очень дорого? И окно на чердаке, которое выходит на юго-запад, тоже требует ремонта.

Он задумчиво кивнул, занятый парусом и рулем.

– Этот Урсин хитер и хочет получить за усадьбу как можно больше. Но все равно ему придется ее продать, потому что его жена устала там жить и хочет переехать в Нарвик. Она мне сама сказала, что ей там уже все надоело!

Они посмотрели друг на друга и рассмеялись. Так бывало часто. Они смеялись без всяких причин. Когда Юханнес поставил парус и лодка заскользила на юг, Сара Сусанне была уверена, что он думает, сколько следует предложить за усадьбу и что еще можно к ней потребовать.

– Урсин назвал тебе какую-нибудь цифру? – спросила она.

Юханнес покачал головой и нахмурился.

– Но ты сам уже что-то решил?

Он энергично кивнул и, чтобы занять руки, схватил зюйдвестку и нахлобучил ее на голову.

– Хорошо. Я с тобой согласна!

Юханнес сверкнул зубами, соперничавшими белизной с пеной на гребешках волн в устье фьорда. Ветер усилился, и ему стало не до разговоров.

Наконец они пересекли Вест-фьорд и пошли вдоль берега с подветренной стороны. Сара Сусанне достала корзинку с едой. Постелила салфетку на скамью между ними, выложила на нее хлеб и копченую оленину. Не больше того, что их желудки могли бы удержать, если бы снова начался боковой ветер. Потом дала ему маленькую походную фляжку с пахтой, запить еду.

Вскоре солнце столкнуло туман с отмелей и окрасило путников. Оно позолотило и принарядило их.

– Хорошо, что между нами нет разногласий, – сказала она.

Она имела в виду приведение в порядок Хавннеса.

– Ты согласен со мной? – повторила она.

– Да! – смеясь, ответил он.

Книга вторая

Бабушка Элида и американская кукла

Элида была младшей дочерью Сары Сусанне. Двенадцатым ребенком в семье. Она поступила необычно. Не в пример своей матери, многих своих детей Элида отдала в чужие руки. Говорили, будто она поступила так, потому что уехала в Кристианию⁵ с больным мужем. Эта история потрясла меня еще в детстве. Но постепенно я начала отождествлять себя с Элидой. И уже не верила, что в ее поступке был злой умысел. Моя мать, Йордис, редко вспоминала то время, когда жила у чужих людей.

Потом мне пришло в голову, что у Элиды была не одна причина так поступить. Или, хуже того, я начала сомневаться в том, что ею двигали только *благородные* помыслы – забота о больном сердце дедушки Фредрика. Я поняла, что любая женщина могла бы устать от частых родов и ухода за детьми. Что ей просто хотелось вырваться из дому. Что сопровождать больного мужа в Риксгоспиталь в Кристиании отнюдь не было для нее наказанием. Скорее, возможностью увидеть что-то, кроме семьи, работников, соседей, причалов и мелких усадеб. Увидеть что-то помимо прибрежных камней и дома, по которому год за годом гулял сквозняк.

Элида обслуживала телефонный пункт в Мёкланде в Вестеролене. Уехать оттуда ее буквально тянули телефонные провода. Чудо цивилизации. Новые времена. Может быть, когда возникла необходимость показать Фредрика столичным врачам, она и ухватилась за это? Но получилось ли все так, как она хотела? Вот о чем я думала одно время.

Когда я познакомилась с Элидой, все уже ушло в прошлое. Между прошлым и настоящим лежит история моей матери. Я – лишь одна из многочисленных внуков и внучек Элиды, с которыми у нее была тесная связь. Она во второй раз осталась вдовой. В Нурланде. Мы, дети, любили ее без всяких оговорок. Но я замечала спокойную сдержанность матери, когда Элида приезжала к нам в гости.

Время от времени Элида ездит в Осло навестить старших детей и их семьи. Она привыкла ездить. Возвращается она в шляпке, в костюме и привозит с собой кучу подарков и анекдотов. Рассказывает о Фрогнер-парке, Королевском дворце, Бюдее, автомобилях и высоких деревьях. Обо всех родственниках и их детях, приправляя свои рассказы тайнами, о которых я должна свято хранить молчание.

Она поселилась в небольшом доме недалеко от тети Хельги в Мюре. Когда в школе нет занятий, я сажусь на местный рейсовый пароход и еду к ней. Это случается часто. Занятия в школе длятся две недели, а следующие две недели мы бываем свободны.

Элида – первая, от кого я слышу слово «любовь», произнесенное совершенно серьезно. Мне хочется думать, что по какой-то причине она больше всех любит меня. Она говорит мне: «Девочка моя, ты воскресный ребенок.

Воскресные дети получают все, но и отдавать они должны тоже все». Я не сразу понимаю, что любимчики у нее – большинство ее внуков.

Она же первая объясняет мне, что человеку, независимо от его пола и условий жизни, свойственно стремление уехать из дому. Куда-нибудь далеко. Я понимаю, что я тоже не исключение. Наверное, не говоря этого прямо, она дает мне понять, что так называемый материнский инстинкт не обязательно должен стоять у женщины на первом месте. Что требовать этого

---

⁵ Кристиания – так в честь короля Кристиана IV с 1624 г. назывался город Осло. С 1 января 1925 г. ему вернули историческое название.

бесчеловечно. Думаю, именно она внушила мне, что жажда свободы и любви иногда бывает сильнее материнского инстинкта.

Так ли велико было предательство Элиды? Не извиняя собственного предательства тем, что оно заложено у меня в генах, я благодарна Элиде и не осуждаю ее.

* * *

У бабушки Элиды длинная, густая, седая коса. Каждый вечер она ее распускает. Чудесным образом волосы становятся намного длиннее, чем была коса. Меня это занимает, и я думаю об этом. Волосы льются. Переливаются. Ниспадают. Струятся. Они мягкие и пахнут можжевеловым. Часто по вечерам, когда мне уже положено спать, бабушка расчесывает волосы и рассказывает. О дедушке Фредрике, которого я никогда не видела. Он был очень красивый и умный и *мог бы стать выдающимся человеком*, если бы у него не было такое большое сердце. К тому же ему приходилось содержать большую семью. Но я никогда не слышала от нее, что ей и самой пришлось нелегко с этой семьей.

Мы играем с бабушкой в лото. Иногда к нам приходят мои двоюродные братья и сестры. Но только я остаюсь у бабушки ночевать, потому что живу на другом острове. Какое счастье, что от нас к бабушке на остров ходит местный пароход! Она рассказывает мне о далеком прошлом нашей семьи. Рыбаки и крестьяне, пасторы и торговцы и даже один фогт. Я не знаю, что такое фогт, но не спрашиваю. Это только испортит историю. Она говорит, что они с Фредриком были троюродными братом и сестрой. Он тоже был в родстве с Сарой Сусанне.

Когда подходит время возвращаться домой, я плачу и спрашиваю, нельзя ли мне остаться у нее навсегда. Нет, нельзя. Она не интересуется, почему я не хочу ехать домой. Только говорит: «Не глупи!» – и жарит оладьи. Вопрос решен.

Элида всегда хорошо говорит о *нем*. Говорит, что *он* лучше всех смазывает швейную машинку и умеет произвести хорошее впечатление. Совсем как дедушка Фредрик. О том, что Фредрик был отцом не *ему*, а Йордис, она, естественно, не думает. Надо принимать все как есть, говорит бабушка. Дядя Бьярне тоже *не годится* на то, чтобы ловить рыбу. Я понимаю, что ей нравятся такие люди, хотя не понимаю почему. Но спросить об этом мне кажется дерзостью. Быть похожим на дедушку Фредрика важно потому, что он умер. Можно подумать, будто люди, которые не годятся на то, чтобы ловить рыбу, умирают раньше других. Но ведь это не так. Скорее наоборот. *Бедные дети*, потерявшие своих отцов, почти всегда оказываются детьми тех, кто ловил рыбу. Так что для меня еще не все потеряно, но об этом надо помалкивать. Ведь уехать с острова можно только на пароходе, хоть на рыбную ловлю, хоть просто куда-нибудь. Однако мне не хотелось бы потерять дядю Бьярне. Думаю, Йордис со мной согласилась бы. Но об этом я у нее не спрашиваю.

В тот день, когда Йордис возвращается с почты с большой посылкой, висящей у нее на руле велосипеда, бабушка Элида гостит у нас. Она уже выбросила всех дохлых мух, которых я собирала и прятала за занавеской в своей комнате. Спит она на моей кровати. Я сплю на другой, от которой болит спина. Но это не страшно. Когда бабушка Элида гостит у нас, спина у меня делается как резиновая. На втором этаже сплю только я. Приходится мириться с тем, что Йордис ночью спит так далеко от меня. Но когда бабушка Элида, приехав, кладет свою ночную сорочку на мою постель, кругом все светлеет.

Я вижу, как Йордис едет на велосипеде вверх по склону и на руле у нее висит какой-то пакет. Любопытная, как ласка, я прыгаю вокруг велосипеда и спрашиваю, что это такое.

– Идет дождь! Поставь велосипед в сарай! – говорит она, будто не слышала моих слов.

Я подчиняюсь. Ведь до сарая я еду на велосипеде! С седла я не достаю до педалей, сижу на раме. И еду от крыльца до сарая. Мимо точила и под сгнившим мостом сеновала. Не разре-

шается только ездить вниз по склону. Там легко упасть и изуродоваться, говорит *он*. Когда *его* нет на острове, я все-таки там катаюсь. Йордис ничего об этом не знала, пока ей не пришлось заклеивать мне царапины пластырем и забинтовывать колени. Но падать мне нельзя. Можно поцарапать велосипед. Коньков у меня нет. Чтобы покататься, я беру коньки у других детей. Их нет потому, что когда-то *он* знал одного мальчика, который утонул в полынье. Но сейчас лето, и это не имеет значения.

Войдя в сени, я слышу голос Элиды:

– Ты не должна была ни о чем его просить!

– Я и не просила. Он сам предложил.

– А что скажет Ханс?

– При тебе он ничего не скажет. Ведь он слышал, что Турстейн сам это предложил.

– Ты попросила Турстейна купить куклу?

– Нет! Он сказал, что купит куклу, когда уедет. А я заплачу за нее. Ведь *здесь*, у нас, кукол не продают. Просто я не думала, что это будет так скоро.

Когда я вхожу в комнату, кукла сидит на столе. Грустные карие глаза, румяные щеки. На щеках глубокие ямочки. Жесткие каштановые волосы, руки вытянуты вперед. Ноги смотрят в разные стороны. На ней настоящие башмачки со шнурками и платье с кружевными оборками.

– Ой! – Я хватаю куклу.

– Ну как? Теперь у тебя есть кукла! – говорит Йордис и берет со стола письмо. Сначала она опускает его в карман передника, потом, передумав, кладет в шкафчик, где хранится крупа.

Кухонный стол тянется вдоль всей стены. В шкафчиках под ним у меня есть два своих отделения. Это моя пещера и место для моих вещей, и я могу сидеть в пещере сколько захочу. Там помещаюсь только я.

Йордис права: *он* никогда не устраивает ссор при Элиде. Но потом, когда меня нет дома, кукла бывает в опасности. Я боюсь класть ее в красивую голубую коляску, которую мне подарила тетя Гудрун. Тетя живет в Швеции. Они называют мою куклу *американской*. Я играю с ней, только когда *его* нет дома. Все остальное время она лежит в большой жестяной коробке, которую мне дал лавочник Ренё. Коробка желтая, и на крышке нарисован какой-то рогатый зверь. Темный кухонный шкафчик – надежное место для коробки с куклой.

– Где твоя кукла? – спрашивает бабушка.

– На месте, – отвечаю я.

– Вещи любят порядок! Почему кукла не лежит в коляске?

– Там лежит негритенок из Осло.

– Он слишком маленький для такой коляски. В коляске должна лежать американская кукла!

– Ей не нравится лежать в коляске, – говорю я.

Элида спрашивает, как куклу зовут, но на это я не отвечаю. Она все равно не поверит, что куклу можно назвать Турстейном.

Однажды я решаю взять куклу в библиотеку, это далеко. Коробка с куклой не лезет в мой ранец, и я беру рюкзак Йордис. Он слишком большой и на ходу бьет меня по попе. Я связываю лямки рюкзака на груди, чтобы он не упал. В нем достаточно места и для книг, и для коробки с куклой. Я прихожу слишком рано, библиотека еще закрыта. Но библиотекарь впускает меня внутрь. Он всегда меня впускает. Я достаю куклу из коробки и сажаю ее на полку, он улыбается и говорит, что кукла красивая.

– Она из Америки, – говорю я.

Тогда он приносит мне книжку с фотографиями города, который называется Нью-Йорк. Правда, домой ее взять нельзя, но это не важно. Приятно знать, что где-то у тебя что-то есть. На одной фотографии изображена высокая женщина, которая поднимает к небу факел.

– Это твоя мама, – шепчу я кукле. Но, по-моему, она это уже знает.

Домой я беру книгу о Тарзане.

Хорошо, что есть с кем поговорить по дороге домой. Кукла рассказывает мне об Америке. Похоже, она знает все те места, которые мы видели на фотографиях в библиотеке. Я не очень верю всему, что она говорит, но мне все равно приятно. Я ведь тоже не всегда говорю правду.

Как раз недавно я рассказала Айне, дочке пастора, будто одно из помещений запертой прачечной у подножья холма забито игрушками от «Европейской помощи»⁶. Айна полезла и заглянула в окно. Я знала, что там хранятся только коробки и котлы для кипячения белья, и потому сказала, что игрушки лежат в другом месте. На чердаке. Но до чердачного окна нам было не долезть.

Айна спросила, кому предназначены эти игрушки. Этого я не знала. Ей показалось странным, что игрушки от «Европейской помощи» хранятся в прачечной. Мы решили, что с этим связана какая-то тайна. Может, там лежат вовсе не игрушки, а что-то другое. И долго гадали, что же там может лежать. Кроме пороха и мин, оставшихся после войны, это могли быть всякие документы и карты. Или гробы? Айна предположила, что это *саботаж*. Она старше меня, и мне не хотелось, чтобы она поняла, что я не знаю, что это такое. Поэтому я не спросила.

Каждый раз, спускаясь с холма на дорогу, я поглядываю на этот саботаж. И он становится как будто настоящим.

---

⁶ «Европейская помощь» – организация, созданная в Норвегии в 1946 г. с целью оказания гуманитарной помощи нуждающимся.

Раннее весеннее утро

1922 год. Элида шла по двору усадьбы между хлевом и жилым домом. Несколько лет назад они с Фредриком купили у Лаурица Дрейера, решившего искать счастья в Америке, усадьбу Русенхауг. Холодный утренний свет разбросал по снегу, упрямо державшемуся с северной стороны, огненные пятна. Слабо поблескивал ставший пористым наст. Кое-где, словно тень, чернела пыль от последнего воза с торфом, который привезли из сарая на болоте, пока туда еще был санный путь.

Элида не знала ни дня, ни часа предстоящих родов, но девятый месяц, что она носила своего десятого ребенка, уже подходил к концу. Ребенок занимал в ней много места, и потому ей приходилось рано выбегать в домик с вырезанным на двери сердечком. Ее тошнило от воняющих ведер, и потому она, когда могла, старалась обойтись без них. После уборной она, по обыкновению, шла в курятник проверить, нет ли яиц. Но в это время года куры не так исправно несли свою службу, как их хозяйка.

Когда Элида в восемнадцать лет вышла замуж за Фредрика, она не думала, что последствием этого шага будут непрерывные роды. Она и представить себе не могла, что утонченный Фредрик с его ухоженными усами, умом и вежливостью – даже по отношению к животным – будет без конца награждать ее очередным ребенком. Вообще-то в их семьях было по многу детей, однако ей и в голову не могло прийти, что судьба так решительно распорядится и их с Фредриком жизнью.

Нынче утром они чуть не поссорились. Перед тем как встали. Ей так понадобилось выйти в уборную, что она зарезала бы поросенка, если б он встал у нее на пути. Поэтому в спешке она отмахнулась от Агды, прибежавшей к ней в кровать. Девочка заплакала, но Элида не уступила и столкнула ее с кровати. Агда упала, ушиблась, и на голове у нее вскочила шишка. Она расплакалась уже всерьез.

– Элида, нельзя так обращаться с ребенком! – сказал Фредрик со своей кровати.

– Оставьте меня в покое! – огрызнулась она, пробуя придать своему бесформенному телу сидячее положение.

– Что бы там ни было, ты не должна...

– Тебе легко быть добрым! Ведь ты уйдешь на собрание в управу уезда!

– Иди ко мне, я подую на больное место. – Фредрик протянул руку к Агде.

Элида набросила на себя одежду и, тяжело ступая, направилась к двери. Сейчас она думала только о том, чтобы поскорее добраться до уборной.

Двор усадьбы был ненадежен. Во многих местах еще лежал лед. Густая темная коса Элиды на ходу била ее по спине. От правого виска, постепенно сужаясь и прячась в растрепанных волосах, тянулась широкая седая прядь. Фредрик называл эту прядь продолжением Млечного Пути. На вязаной кофте не хватало одной пуговицы. Темно-серая шерстяная рубаха задралась, уступив место животу. На ноги Элида натянула грубые вязаные носки и обрезанные резиновые сапоги, которые всегда стояли наготове в сенях.

Нынче ночью и даже во сне ее тревожили две вещи. Недавно она потеряла зуб. Пусть не передний, но все-таки. Во сне же ей приснилось, что она потеряла все зубы и не в состоянии есть даже кашу. Сон помог ей понять, что на самом деле все не так уж и плохо. И что это вообще пустяки по сравнению с тем, что Фредрик утром выглядел хуже, чем накануне вечером. Открыв глаза, она сразу увидела, что лицо у него синеватое, как снятое молоко. Как раз в это время и прибежала Агда.

Фредрик не выносил разговоров о своей болезни. Но Элида знала, что, когда его дыхание становится прерывистым и тяжелым, а цвет лица – синеватым, ему следует лежать в постели.

Дважды в подобных случаях ей приходилось звонить доктору. Во всяком случае, телефон висел у них на стене, и это ее немного успокаивало. Особенно зимой, в непогоду.

Сначала Фредрик принес рисунки этого чуда с трубкой, ручкой и всем остальным. Потом он уговорил Элиду установить его в доме. Он считал, что она легко научится с ним управляться. К тому же на этом можно было неплохо зарабатывать. Сгоряча она отказалась, считая, что у нее и так дел по горло. Но когда трубка и аппарат уже висели у них на стене и эта протвиеоеественная связь на расстоянии стала реальностью, Элиде пришлось сознаться, что она неравнодушна к этому устройству. Ей нравилось связываться с остальным миром. Соединяться с ним. Ее рука словно обретала какую-то волшебную силу.

Старшие дети даже кое-что зарабатывали, развозя на лодке телефонограммы и сообщения. Особенно во время сезона на Лофотенах. Там постоянно требовались то рыбаки, то люди на разделку рыбы, то соль.

Фредрик любил говорить о телефоне. И об участке земли, спускавшемся к морю, который он собирался очистить от камней и вспахать, если ему помогут Хильмар и работник. Он говорил о чем угодно – о снаряжении для лова, о сетях, которые следовало развесить для просушки. О предстоящем засоле рыбы и об овцах, которые вот-вот должны ягниться. О сообщениях в газетах и телеграммах. Но никогда о том, как он спал или как он себя чувствует.

Ну вот, она и сегодня успела добежать до уборной! Жизнь состояла из череды крохотных дел, с которыми Элида худо-бедно справлялась и которые ничего не значили для вращения Земли в мировом пространстве. Утром она едва не поссорилась с Фредриком! За которого вышла замуж, потому что он был самый благородный из всех, кого она знала. Вышла за него, хотя мать потратилась на то, чтобы она окончила среднюю школу, и как могла пыталась отговорить ее от этого замужества. Родные не говорили прямо о том, что считают Фредрика непригодным к какому-либо делу. Мать прибегала к намекам и употребляла такие слова, как «мечтатель» или «книгочей, не способный на поступки». Элида упрямо отвечала, что девушка, решившая выйти замуж за Фредрика, непременно должна иметь среднее образование. Он – бесценный дар судьбы. *Любовь*. Она была уверена, что это – любовь, хотя ничего о ней не знала и даже не помнила, когда впервые услышала это слово.

Элида была готова родить ему одного, даже троих детей. Но рожать через год по ребенку – это уже слишком! Впрочем, вслух она этого никогда не говорила. Да, собственно, и не думала. А уж когда дети появлялись на свет, ни за что не согласилась бы потерять хотя бы одного из них. Со старшими – Хильмаром, Селине, Фридой, Рагнаром и Анни – все было в порядке. Средние – Эрда, Карстен и Хельга – тоже уже обходились без постоянного материнского надзора. Но Агда еще много плакала и требовала внимания.

Только Фредрик знал о том несчастном случае, когда на кухне Элида на минутку отвернулась, чтобы снять с огня убежавший кофе. Двухмесячная Агда упала с кухонного стола, и в головке у нее как будто что-то повредилось – она не могла не плакать. А сегодня еще эта шишка на голове!..

Случалось, Элида наказывала детей, чтобы напомнить им, что главная в доме она и что последнее слово должно быть за ней. Фредрик же считал, что любое насилие вызывает только насилие. Не следует чему-то учить детей таким образом. Он мог часами сидеть на кухне и внушать маленьким грешникам, что они не правы, пробуждая в них раскаяние. Человек обладает разумом, к нему и следует взывать родителям, считал он. И уж ни в коем случае не бить неразумных детей. Элида не была уверена, что его долгие проповеди полезнее для детей, чем ее подзатыльники. Но обычно, когда случались провинности, на месте оказывалась только она.

Однако сегодня ей было некогда с ним ссориться, сначала надо было выйти в уборную. Из-за своего больного сердца Фредрик не годился для ссор. Строго говоря, он не годился и для того, чтобы быть хозяином усадьбы или рыбаком. Но на что же им тогда жить? Как она может хоть в чем-нибудь упрекать его? Мужчину, который, приходя домой с поля или с моря, всегда

моет руки! Не обращает внимания на то, что она утратила былую легкость в обращении, и не меньше, чем она сама, горюет над ее выпавшим зубом!

И зачем только она нагрубилась ему сегодня! Этим она навредила и себе. Потому что любила эти ранние походы в уборную. Сидя здесь, можно было относительно спокойно предаваться своим мыслям. Даже мечтать о чем-нибудь несбыточном. Вообразить, что именно этот день таит в себе возможности, о которых вчера она даже не подозревала.

Элида развернула старую газету. По ее просьбе Фрида принесла сюда целую пачку. Фредрик собирал статьи и заметки, которые, как ему казалось, могли ему пригодиться. Даже если они уже устарели. В уборной у него было время их прочитать, хотя порой здесь было темно-вато. Окно находилось слишком высоко и выходило на север. Элида сдула с газеты сухие стельки, занесенные сюда сквозь щели между досками.

Она уже хотела размять газету, когда ее взгляд упал на зернистый портрет короля Хокона и королевы Мод – «Юбилейная выставка – Норвегия». Там же было напечатано стихотворение Нильса Коллетта Вогта.

Столетье жизни вешней
и мощный посвист крыл
тех гениев, кто дом наш
воздвигнул и обжил⁷.

Да, конечно, можно сказать и так, подумала она. Снизу, из отверстия, несло холодом. Она быстро вырвала эту страницу, чтобы взять ее домой и показать Фредрику. Во всяком случае, она не могла себе позволить потеряться королем и королевой.

Кто-то шел по замерзшему гравию. Потом послышалось покашливание Педера, работника, он подергал дверь. Элида быстро подтерлась куском газеты, в котором не было ничего важного. Но страницу со статьей о выставке в Кристиании она взяла с собой, спокойно бросив Педеру на ходу: «Доброе утро!»

– Ооо! Я не знал, что это вы! – произнес он нараспев, как будто говорил по-лопарски. Смущенно провел рукой под носом. Ему было шестнадцать лет, как и Рагнару, и он еще не мог считаться полноценным работником. Однажды после совещания в уезде Фредрик привел его к ним домой. Парень послушно шел за ним. Потом оказалось, что Педер, не по своей воле, был замешан в какой-то неприятной истории. Он жил у них уже целый год. Спал в комнате вместе с мальчиками. Вначале он даже отказывался брать деньги за работу, только бы они оставили его у себя.

Когда она вернулась в спальню, Фредрик уже встал. Краем глаза она видела, что он плохо себя чувствует.

– Полежи еще, пока я сварю кофе, – предложила она.

– Спасибо, но мне надо ехать на совещание. Сегодня будут решаться важные вопросы...

Я вернусь поздно.

– Я не хотела с тобой ссориться... – пробормотала Элида.

– Знаю. – Он отложил бритву. На щеке осталось немного пены и тонкая полоска крови.

– Вот, думала, тебе будет интересно посмотреть, что я нашла в старой газете в уборной.

О юбилейной выставке в Кристиании, – сказала она, протягивая ему страницу.

С застывшей улыбкой он положил ее на комод, потом склонился над умывальником. Элида замерла, протянув к нему руку, но он был занят своим делом. Уголки губ у него опустились, потянув за собой усы, рот был приоткрыт. Ей было так тяжело смотреть на него, что она даже забыла, что хотела сказать.

⁷ Здесь и далее – стихи в переводе Норы Киямовой.

– А где же Агда?

– Ее забрала Хельга.

Элида прошла на кухню и разожгла плиту. Торф был сухой. Это было приятно, несмотря на торфяную пыль. Ее все равно не избежать. К счастью, топлива у них было достаточно. Она вымыла лицо и руки в цинковом тазу, стоявшем под насосом, но причесываться не стала. Это была совсем другая работа.

Когда печка уже гудела, кофе благоухал и стол был накрыт, все постепенно собрались на кухне. Трехлетняя Агда забралась к матери на колени и показала ей свою шишку.

– Это скоро пройдет, садись с Эрдой, – строго сказала Элида.

Агда снова заплакала, но Элида не обратила на это внимания.

Трое старших уже работали и дома не жили. Служанка была выходная, и четырнадцатилетняя Анни сама подоила корову. Элида похвалила ее.

– Золотко мое, – сказала она и приготовила тряпку и ситечко, чтобы процедить молоко. – Сегодня тебе придется сопровождать отца на совещание, он неважно себя чувствует, – шепнула она Рагнару. Все его шестнадцать лет были словно отпечатаны у него на лице.

– Ты же хотела, чтобы я сегодня разложил в подполе семенной картофель, он должен прорасти...

– Разложишь в другой день. Может быть, завтра.

– Я думал, это срочно.

– Да. Но с отцом поехать важнее.

– Мы с Хельгой сами разложим картофель, – предложил десятилетний Карстен, обкусывая мякиш с корки. Потом засунул корку между зубами и губой – получился как бы второй ряд зубов. Сейчас только этот испытанный прием мог заставить Агду смеяться.

– Конечно, можем! – серьезно кивнула восьмилетняя Хельга. Но когда в кухню вошел отец, она уставилась на него и перестала есть.

– Какие вы все сегодня серьезные! Встали не с той ноги? – пошутил Фредрик и пошевелил усами, чтобы рассмешить Агду. Потом тяжело сел во главе стола и отхлебнул кофе. К еде он не притронулся.

– Папа, почему ты ничего не ешь? – удивилась Хельга, поглядев сбоку на отца.

– Сейчас поем, раз ты велишь. Но и ты тоже должна есть.

Хельга понимает больше, чем надо, подумала Элида и поставила на стол кувшин с процеженным молоком.

– Наливайте себе столько, сколько сможете выпить, – предупредила она детей. Потом позвала завтракать Педера. Он уже убрался в хлев и теперь на крыльце снимал с себя рабочий комбинезон. Хоть он его и снял и вымыл руки, от него все равно пахло хлевом, чего нельзя было сказать про Анни. Элида сжалась, преодолевая тошноту. Педер не виноват, он только выполнил свою работу, убрав навоз этих благословенных животных. Однако есть она перестала.

– Кто сегодня идет в школу? – спросил Фредрик.

– Мы на этой неделе не учимся, – ответил Карстен.

– Мама, мы посмотрим вечером детские вещи? – спросила Хельга, ее очень занимало предстоящее рождение ребенка.

– Если вы справитесь со своей работой.

Уже не одну неделю Элида пыталась приготовить вещи, необходимые будущему малышу. Если все пройдет благополучно, она быстро встанет на ноги. Но заранее этого не мог знать никто. К счастью, она договорилась с соседкой, что та поможет ей, когда придет время. Оставалось только убраться в доме, чтобы ей не было стыдно за беспорядок в шкафах и грязь по углам. Разложить по местам домашнюю утварь, одежду, детские игрушки – словом, привести все в порядок. Хорошо бы еще успеть вычистить кастрюли и бак для кипячения белья.

– Карстен! Принеси мне газетную страницу, которая лежит в спальне на комод. Думаю, тебе тоже будет интересно то, что в ней написано, – попросил Фредрик.

Карстен принес страницу и положил на стол. Обычно он помогал отцу собирать статьи о машинах, книгах и изобретениях. А главное – о политике. Они хранились в папках и коробках, перевязанных шнурком или нитью для сетей. Благодаря этому отец и сын помнили о том, что мир движется вперед, хотя иногда он и откатывался постыдно назад. А также знали, что дороговизна и безработица – удел не только их уезда, но и всей страны.

Неожиданно Элида заметила, что Фредрик выглядит немного лучше, чем в спальне. Он спокойно жевал, слушая, как Карстен читает ему вслух. Не только о выставке, но и о том, что «национальная гордость возрождается благодаря не военным силам, а мирному труду всей страны». Люди стали лучше питаться, лучше одеваться и даже стали более здоровыми и просвещенными – так было написано в газете. Еще писали о «поэзии жизни как созидательной силе». Статья пестрела такими словами, как «изобразительное искусство» и «поэзия», «школьное образование» и «триумф науки». Разве не наша страна воспитала Ибсена, Бьёрнсона, Грига, а также живописцев и скульпторов, снискавших мировое признание? Была там и заметка с фотографией, где были изображены автомобили, катившие по улице Кристиании, которая называлась Парквейен. Эти автомобили тоже имели названия: «мерседес» и «опель». И номер на прикрепленной спереди железке. Их фары были похожи на мертвые глаза трески. Последнее заставило Рагнара окончательно проснуться и впиться глазами в эту страницу.

– Ну и ну! – сказал он и разразился странным смехом, который появился у него, когда сломался голос.

– Эта фотография сделана в том году, когда родилась Хельга, – сказал Фредрик. – Она старая! Как это я ее просмотрел?

– Может, ты просто забыл о ней? – беспечно сказала Элида. – А вот теперь пришло время и для нее.

– Чего только не происходит в мире! – мечтательно вздохнул Карстен.

А Элида подумала, что, пока они крутятся тут в Русенхауге, занятые своими делами, в мире происходит много важных событий, о которых они даже не подозревают. И газеты быстро оказываются уже старыми.

Будь благодарен за данную тебе жизнь

– Фредрик! Только не уходи от меня! Слышишь, не уходи!

Элида тяжело дышала, произнося эти слова. Фредрик лежал на берегу с закрытыми глазами. На губах у него пузырилась пена, как на катушках, когда дети выдували мыльные пузыри. Грудь с трудом поднималась и опускалась, Элида даже не знала, в сознании ли он. Она попробовала приподнять его за плечи и положить так, чтобы ему удобнее было дышать. Но опасалась, чтобы от этого ему не стало еще хуже.

– Рагнар! Беги и позвони доктору! – наконец велела она.

Он и сам уже бежал к дому. Его длинные ноги быстро перебирали дорогу, при этом голова и плечи опережали их не меньше, чем на целый локоть.

К счастью, Элида увидела из окна, как их лодка подходит к берегу. Рагнар громко кричал, зовя на помощь, еще до того, как лодка ткнулась в причал. Элида и дети поняли, что случилось какое-то несчастье. Схватив старое пальто, висевшее в прихожей, и натянув сапоги, Элида на ходу крикнула Эрде, чтобы та присмотрела за Агдой.

– Я бегу на берег, там что-то случилось!

Ноги скользили по льду, сковавшему ведущую к причалу тропинку. Один раз Элида упала, но тут же быстро вскочила на ноги. Рядом оказалась Хельга, которую она раньше даже не заметила, и протянула ей руку. Но Элида, не успев вскочить, уже была далеко от нее. Когда она добежала до берега, Рагнар почти вытащил отца из лодки.

– Он греб и вдруг упал, – простонал мальчик.

– Ты сам должен был грести, не отец! – крикнула она ему. И тут же поняла, что это несправедливо. Рагнар промолчал. Однако его потное пылающее лицо исказилось от страха и отчаяния.

Очевидно, она предчувствовала, что нечто подобное должно случиться. Но отмахнулась от этого, как и от всего остального, что могло случиться, но чем не следовало бессмысленно мучить себя день и ночь. Она боялась этого и все-таки не верила, что это когда-нибудь произойдет. Как будто привыкла, что Фредрику время от времени приходится лежать в постели, но каждый раз он поправлялся, и все становилось почти как раньше.

– Фредрик! Ты меня слышишь? Отвечай! – Элида оттолкнула Хельгу, которая опустилась на землю рядом с отцом.

Младшие дети топтались среди водорослей, Карстен с трудом втаскивал лодку на катки. Из-за отлива тащить лодку было трудно. Неожиданно Фредрик открыл один глаз и сквозь пелену посмотрел на Элиду, как будто хотел что-то сказать. Она обняла его и упала на водоросли. Тонкий лед со звоном проломился под нею. Холодная вода проникла под одежду. На берег прибежал работник, он тащил за собой старую дверь, к которой по углам были прибиты ручки. На этой двери они обычно носили торф или сено. Теперь нести предстояло Фредрика.

– Я же говорила тебе, – с упреком сказала Элида, но не Фредрику, а жизни, которая так несправедливо обошлась с ними. – Говорила, что не нужно ездить на это совещание, хотя там и обсуждается вопрос о дорогах. Говорила, что здоровье тебе этого не позволяет. Плевать мне на все дороги! Тебе нельзя работать в управе!

– Мама... – Карстен встряхнул ее. Он уже обмотал лодочный канат вокруг камня.

Наконец Элида взяла себя в руки. Она обняла Карстена и прижала к себе. И Хельгу тоже. Так, прижавшись друг к другу, они просидели минуту над неподвижно лежавшим Фредриком.

* * *

Пришел доктор, у Фредрика оказалась парализована половина лица, а также правая рука и нога. Он спрашивал Элиду о чем-то ей неизвестном. Но был хотя бы в сознании. Говорил он невнятно. Элида видела по его лицу происходящую в нем борьбу. Видела, что ему стыдно, как будто он был виноват, что не может поговорить с доктором, который проделал долгий путь на лодке и в повозке, чтобы осмотреть его. Как будто он был виноват, что доктору пришлось нести тяжелую сумку, оказавшуюся бесполезной. Как будто он, Фредрик, по собственной глупости упал в лодке, в результате чего стал неполноценным человеком. Как будто он один был виноват в том, что вел себя так глупо.

Ведь именно в этом там, на берегу, его и упрекала Элида.

Пока она наблюдала за его борьбой и слушала этот страшный хрип и нечленораздельные звуки, которые вырывались у него из горла, ее охватил такой неудержимый гнев, что ей пришлось выйти из комнаты. Она прошла через кухню, где плакала Агда и где вперемежку валялись детские сапоги, о которые так легко споткнуться. Никто из детей и не подумал аккуратно поставить сапоги на место, как она учила их, когда они были уже настолько большими, что могли самостоятельно спуститься с крыльца кухни. Случившееся с отцом словно лишило их способности и думать и действовать. Теперь эти сапоги представляли собой опасные ловушки для того, кто собирался выйти на улицу. Осмелившийся на это рисковал переломать себе кости и разбить нос, залив кровью весь пол. Элида отчетливо увидела, как это будет выглядеть. Хотя все могло быть и хуже.

Поняв это, она начала методично прибирать башмаки, галоши и обрезанные сапоги, ставя их у стены, где и было их место. Она даже считала их, но сбилась со счета. Вытрясла коврик, лежавший у двери, и постелила его на место. Проделав это, Элида сообразила, что это не имеет никакого значения для состояния Фредрика, и начала смеяться. Тихо, сердито, задыхаясь от бешенства. Она открыла дверь и выплеснула на двор под дождь целый поток слов. Потому что вдобавок ко всему начался и дождь. Она сбивчиво молилась, обращая свои слова не к Господу, не к доктору, а к самой себе. Они падали у нее с губ, как горошек из банки.

– Верни Фредрику здоровье, веди себя как взрослая, только тогда Фредрик поправится, прими все, не сетуй на несчастья, следи за телефоном, следи, чтобы дети вовремя ели, не забудь напомнить Карстену, что семенной картофель нужно класть на свет глазками кверху, не показывай Фредрику свою растерянность, а потому вернись сейчас в дом, пройди через кухню, скажи детям что-нибудь самое обычное, чтобы твои слова послужили им утешением, не брани Анни за то, что она не сумела успокоить Агду, не раздражайся на Хельгу за то, что она хочет быть рядом с отцом, не бойся, что он умрет, потому что он не умрет, позаботься, чтобы доктор или Бог тоже не верили, что он умрет, потому что это невозможно, немислимо, даже если все будет очень плохо и он больше не сможет говорить с тобой, он все равно не умрет, вернись к нему и веди себя как взрослая.

Тут в гостиной на стене зазвонил телефон. И Элида пошла туда. Сняла трубку. Приняла сообщение: доктор должен после них ехать в Крокбергет, там кто-то сорвался со скалы, на которой сушат рыбу. Она услышала свой голос, но не поняла того, что сказала.

Потом она вернулась в комнату к Фредрику и доктору.

* * *

Теперь Хильмар, Селине и Фрида были вынуждены на время вернуться домой, где требовалось их присутствие. Чтобы Элида могла использовать их в любую минуту. Они были уже

взрослые. Она не знала, как семья переживет первые дни. Ведь они ничем не могли помочь Фредрику. Им оставалось только ждать.

В голове у Элиды вертелись обрывки того, что сказал доктор, но она никак не могла связать их воедино. И сердилась на доктора. Про себя она обвиняла его в том, что он произносил какие-то слова не для того, чтобы помочь ей, а чтобы она почувствовала себя бесполезной и глупой. Например, недостаточность сердечного клапана. Она подозревала, что доктор и сам не совсем понимает, что это такое. Он не мог сказать точно, что явилось причиной несчастья или как Фредрику с ним справиться. И дал один-единственный совет – Фредрика должны обследовать специалисты. Однако в данную минуту он слишком слаб, чтобы выдержать такую поездку, следует подождать.

Паралич может пройти, если Фредрик наберется терпения и будет спокойно тренироваться, сказал доктор. Мало того, он не должен делать ничего, что может оказаться для него смертельным. Элида никогда не видела мужа таким беспомощным. Белое, как бумага, лицо, лоб в капельках пота. Одна половина лица свисала ему на шею. И он никак не мог вернуть ее на место.

На третий день, когда она брила его, он попросил у нее зеркало. Она отговаривала его, но он настаивал. И неловко тянулся за зеркалом левой рукой. В конце концов Элида дала ему зеркало и под каким-то предлогом ненадолго вышла из комнаты.

Когда она вернулась, Фредрик лежал с намыленным лицом. Он даже пытался улыбнуться. Шевельнув слегка той стороной рта, которая не была парализована. Издал звук, похожий на смех. Но в этом смехе было столько отчаяния, что Элида не решилась встретиться с ним глазами. Она поставила бритвенный прибор на тумбочку, прикрыла полотенцем подушку и начала его брить. Неловко. Два раза она его порезала. Прежде с нею такого не случалось.

– Потерпи, Фредрик! Это трудно! – сказала она.

Он приподнял левую руку в знак того, что понял ее. Так было всегда – они часто понимали друг друга без слов. Как теперь. Он понимал, как тяжело ей видеть его таким, и от этого ему было еще хуже. И знал, что она это понимает и что от этого ей тоже еще хуже. Поэтому она заговорила с ним, хотя ответить ей он не мог. О всяких мелочах. Достаточно ли теплая вода? Хороша ли пена? Остра ли бритва? При этом она старалась не смотреть на него. Это помогло. Она кивнула ему и даже посмеялась. Это подействовало. Непостижимо, но это подействовало.

Десятый ребенок

Утром третьего мая Рагнар позвонил повитухе. Фредрик не мог встать с постели без посторонней помощи, но доктор оказался прав: постепенно Фредрик с грехом пополам начал говорить. Во всяком случае, они его понимали. И он настоял на том, чтобы Элида рожала в спальне, где лежал он.

– Я не могу лежать здесь и дремать, пока Элида одна мучается там наверху, – сказал он.

Они уже отодвинули кровати друг от друга, чтобы легче было ухаживать за Фредриком, так что повитуха, покачивая головой, была вынуждена уступить. Мужчина присутствует при родах! Однако, если на то пошло, присутствие в одной комнате всех троих, которым требовался уход, очень упрощало дело – не надо без конца бегать по лестнице.

Те сутки, что продолжались роды, Элида всеми силами сдерживала стоны и крики, чтобы не очень пугать Фредрика. Но это было нелегко.

– Элида, кричи, если тебе так легче, я буду кричать вместе с тобой! – услышала она, когда ей было особенно тяжело. В другой раз он обещал, что это последний ребенок, которого ей придется родить от него.

Повитуха буркнула, что Фредрик поздно хватился. Но поскольку она знала, что он в управе ратовал за строительство дорог, она произнесла это очень тихо. Много лет занимаясь своим делом, она так и не избавилась от морской болезни.

– Это девочка, она немножко не доношена, но зато какой это ангел! – воскликнула повитуха, подняв перед ними окровавленный комочек.

– Спасибо вам! Мне еще никогда в жизни не было так страшно, как сегодня, – с трудом проговорил Фредрик. Он старался самостоятельно выбраться из кровати, что каким-то чудом ему в конце концов удалось. Смеясь и плача одной половиной лица, он цеплялся за спинку кровати. Несмотря на неудобную, какую-то вывернутую позу, он сумел выразить свою радость, и его слова проникли в кухню сквозь тонкую стену и заставили тех, кто ждал там, понять, что в семье стало на одного человека больше.

Потом подала голос маленькая Йордис. Ее тонкий писк заставил всех, стоявших у двери наготове, обменяться друг с другом смущенной улыбкой облегчения. Агда описалась и стояла без штанишек, засунув в рот палец, но была тиха, как мышка.

* * *

Ингрид, соседка, живущая за полем, помогала им вести хозяйство, чтобы Элида могла спокойно оправиться после родов. Йордис проявила такт, словно уже поняла, что в семье и без нее хватает хлопот. Она ела, спала и пачкала пеленки. Педер и Карстен позаботились о том, чтобы посадить картошку и выгнать в горы овец.

Когда в июле пошла мелкая сайда, Карстен и Эрда ловили ее на «дорожку». Анни была поваром. Четырнадцатилетняя девочка была горда, как павлин, когда дом наполнялся ароматом ухи, заправленной солью и лавровым листом. Вообще-то у них не было ничего, кроме старой картошки. Но вареная печень напоминала им о лете и море.

Элида обложила Фредрика подушками и подавала ему еду в постель, застеленную цветной клеенкой. За кухонным столом шли разговоры и раздавался смех, как будто ничего не случилось. Дети мирно ссорились из-за лучшей лепешки. Окна были приоткрыты, ртуть на градуснике показывала семнадцать градусов тепла. Элида ходила и улыбалась. Мелкая сайда сделала то, на что она давно потеряла надежду, – вдохнула во всех жизнь и радость.

Анни, Эрда и Карстен нарезали и складывали торф после того, как Педер вместе с соседом привозили его с болота. В конце июля сосед помог им косить сено. Из-за дождливых и туманных дней сено пришлось сушить на вешалах. Потом, к счастью, наступила засуха, и Хильмар с Фридой освободились от своей работы, чтобы убрать сено под крышу.

Подвижность медленно возвращалась к Фредрику, и он радовался, когда в хорошую погоду ему помогали выходить из дому. Он сидел на табурете с солнечной стороны дома и смотрел на залив. Видел он все по-прежнему в каком-то мерцании и потому был доволен, если ему читали.

– У меня такое чувство, будто глаза дерутся друг с другом, – жаловался он, – будто все колышется, словно от сквозняка.

Элида не решалась напомнить ему, что один глаз у него до сих пор почти не открывается. Но вообще-то он не жаловался. И отказывался разговаривать по телефону.

– Все говорят только о моей болезни. Это невыносимо, – твердо сказал он.

Элида думала иначе. Наверное, его мучает, что люди слышат, как невнятно он произносит слова.

Фредрик тренировал левую руку, потеряв надежду заставить правую слушать его команды. Главным в его жизни стала почта. Ему хотелось установить связь с внешним миром через короткие письма, которые, правда, давались ему с трудом – он писал попеременно то левой, то правой рукой.

Однажды Хельга принесла ему письмо от его сестры, в честь которой назвали ее саму. Сестра жила в Кристиании и была солдатом Армии спасения. В начале и в конце всех своих писем она обычно писала, что идти следует узким путем, тогда и снизойдет на них благодать Божья. Они так и делали.

Элида вздохнула. Она считала, что их путь и без того достаточно узок. Но прочитала это письмо Фредрику самым добрым голосом, на какой только была способна. На этот раз никакой божественности в письме не было, и это ее встревожило. Сестра Хельга хотела, чтобы Фредрик приехал к ней. У нее есть связи, и она хочет, чтобы он прошел обследование в Кристиании. Он не должен страдать на Севере, в то время как Господь Бог и Риксгоспиталь находятся на Юге. Кроме того, она знакома с одним человеком, который просто творит чудеса, исцеляя больных людей. Его зовут Марчелло Хауген, и ему дан дар, который доступен только Богу.

* * *

Элида считала, что Фредрику важно не только чисто говорить, но и без отвращения смотреть на себя в зеркало. Он, как свойственно многим мужчинам, гордился своей внешностью и всегда говорил о ней.

Несколько человек из управы посетили его. В их присутствии он оживился. Этого требовало чувство собственного достоинства. Элида понимала его. Поскольку он еще плохо видел, кто-нибудь из домашних каждый день читал ему вслух газеты, чтобы он мог быть в курсе событий.

Он упорно тренировался, разрабатывая правое плечо и кисть. Иногда он так уставал от этого, что Элиде приходилось смывать с него пот, она бранила его, говорила, что он чересчур напрягается. Однажды, когда Фредрик потерпел очередную неудачу, он потерял терпение.

– Черт! – воскликнул он так громко, что вздрогнул от собственного голоса.

Правая нога тоже еще плохо его слушалась, но постепенно он научился самостоятельно вставать с кровати, правда пользуясь палкой. А вот спуститься с крыльца без посторонней помощи он не мог. О том, чтобы самому добраться до уборной, находившейся во дворе, не могло быть и речи. Ему приходилось пользоваться ведром, и это его унижало. Они не говорили об этом.

Элиде казалось, что от нее постоянно требуют ответов на вопросы, на которые она не может ответить. Понять их суть или предвидеть возможные последствия она тоже была не в силах. Когда она с новорожденной дочкой сидела у Фредрика, дети прибегали к ней в одних носках и задавали свои вопросы. Однако чаще они присылали со своими вопросами Анни, потому что она двигалась тише всех. Но как Элида могла знать, что беспокоит теленка, если у нее не было времени зайти в хлев и посмотреть на него? Откуда ей знать, следует ли им начать копать картофель, потому что соседи свой уже выкопали и даже сгребли ботву в кучи?

Заморозки? Кто может знать, когда мороз падет на эту жалкую, проклятую землю? В Русенхауге холод подстерегал людей не только за дверью, но и внутри их самих, под кожей. Каждый день Элида ощущала его лопатками, животом, висками и даже своим здоровым сердцем. Но, как ни странно, этот самый холод помог ей перестать плакать. Ибо она знала, что от ее слез Фредрику будет в тысячу раз хуже. И его измученное, перекошенное лицо было первое, что она видела, просыпаясь, и последнее, с чем она засыпала.

Он много спал. Спал за них обоих. Доктор сказал, что сон ему необходим. Покой и отдых могут творить чудеса, сказал он. Тем важнее было, чтобы Элида бодрствовала и следила за всем. Следила за его дыханием, следила, чтобы он не мерз. Чтобы не лежал слишком долго на одном боку.

У нее пропало молоко. Малышка и Агда плакали, словно соревнуясь друг с другом. Непрерывно. Чуть что, Агда начинала кричать. Как только Элида брала на руки маленькую Йордис, Агда требовала, чтобы мама и ее тоже посадила к себе на колени.

– Анни, попробуй дать ребенку бутылочку со сладкой водой, а я посижу немного в спальне с Агдой, – попросила однажды Элида.

– Не называй ее *ребенком*. Ее зовут Йордис! – сказал Фредрик.

Никто не отозвался на его слова. Как бы ее ни звали, Йордис отказывалась брать бутылку и продолжала хрипло рыдать. Сопли и слезы текли на рубашку Фредрика. Он, наверное, смертельно устал от них, подумала Элида.

Она вдруг заметила, что он выглядит хуже обычного. У всех в доме были синяки под глазами. От отчаяния. От недосыпания, от того, что они ходят друг мимо друга, не находя слов утешения. Оттого, что им страшно даже подумать, чем все это может кончиться.

Пытаясь не обращать внимания на детский плач, Элида стала помогать Фредрику сменить рубашку. Работница Магна вернулась из хлева с вечерним молоком. Ручка со звоном упала на край ведра. Вскоре послышался привычный звук процеживаемого молока. И все это заглушал то громкий, то затихающий плач Йордис.

– Иди к ним, иди, я справлюсь, – сказал Фредрик, пытаясь застегнуть рубашку левой рукой.

Внезапно на кухне все стихло. Йордис перестала плакать. Элида перевела дыхание, ощущая радость каждой клеточкой тела. Но тут же ей стало страшно. Эта тишина... Мозг когтила страшная мысль. Кто-то из детей не выдержал и придушил малышку!

Элида бросилась на кухню. Она навсегда запомнила откровенную ей картину. И до самой старости по любому поводу рассказывала об этом. Йордис сидела на коленях у Анни. На столе перед ними стояла тарелка с молочной кашей. Девочка запускала в тарелку сразу обе ручки и крохотными кулачками жадно запихивала кашу в рот с таким видом, словно все взрослые по злобе хотели уморить ее голодом, чтобы раз и навсегда избавиться от нее. Анни удерживала на месте скользкую по столу тарелку, когда в нее опускались ручки Йордис. Личико, грудь, руки Йордис – все было в каше. Если не считать звучных шлепков каши об пол, в кухне стояла мертвая тишина.

Магна замерла у кухонного стола, не решаясь продолжать цедить. Эрда, Карстен, Хельга и Агда сидели на табуретках вокруг стола со своей кашей, не смея положить в рот очередную

ложку. Они не отрывали глаз от Йордис, которая продолжала месить ручками кашу и запихивать ее в рот.

Элида опустилась на свободный табурет, ноги не держали ее. Где-то в ней словно что-то забулькало. Как мыло в котле. Она закрыла руками лицо и засмеялась, из глаз брызнули слезы. Магна тоже засмеялась. Засмеялись и дети, один за другим. Смех! Что смешного в том, что голодный ребенок хватается кашу руками? Но они не могли удержаться от смеха. Из спальни послышались странные звуки. Фредрик не знал, над чем они смеются, однако это не имело значения. Он смеялся вместе со всеми.

Зима уже дышала в лицо, а картошка была еще в земле. По ночам Элида чувствовала себя одинокой, хотя Фредрик лежал в полуметре от нее. Но она не могла его разбудить и расстроить своими мыслями. Это бы осложнило все для них обоих. Эти ночные часы, когда она лежала, прислушиваясь к его напряженному дыханию, были самыми тяжелыми.

Зато утром, слушая, как Эрда, Анни и Магна готовят завтрак и кормят малышей, Элида ощущала надежду и благодарность. И когда Фредрик открывал один глаз, пальцами приподнимал веко второго и говорил обычное «С добрым утром!», она невольно думала, что все в порядке, хотя и не знала, что с ними будет дальше.

Хильмар и Фрида не могли приехать и помочь копать картошку: уехав домой, они могли потерять работу. Хильмар был подмастерьем у столяра, Фрида служила у двух стариков в Сорланде, Селине работала в лавке Дрейера в Хеннингсвере. Ей там нравилось. Элида не решалась попросить ее приехать домой. Тем более что теперь старшие дети были вынуждены сами себя содержать.

Однажды утром к ним пришел сосед с мотыгой, чтобы помочь им выкопать картошку.

– Вашему лопаренку одному не справиться. У детей времени нет, в школе уже начались занятия, – сказал он и пригладил рукой бороду.

– Не надо называть нашего Педера лопаренком, – прошептала ему Элида, стоя в открытых дверях сеней.

– Не бойся, я так говорю только тебе, – пробормотал он, проглотив замечание. – Я хочу только помочь...

– Спасибо! Мы тебе очень обязаны. Может, зайдешь и выпьешь чашечку кофе?

– Кофе... Я вообще-то хотел позвонить дочери.

– Так заходи, пожалуйста! – воскликнула Элида и отступила назад, пропуская его. Поняв, что он не обиделся, она испытала облегчение.

Сосед знал, каким образом Педер оказался у них. Парень, так сказать, бежал от властей. Не потому, что совершил какой-то проступок, а потому что не хотел, чтобы его измеряли и взвешивали, как скотину. Какой-то человек в Кристиании по имени Шрейнер получил от стортинга деньги на то, чтобы описать физические данные лопарей в Тус-фьорде. Странное занятие для взрослого человека! Педер рассказал Фредрику, что его сородичи были вынуждены раздеваться донага и показывать себя этому незнакомцу. Его мать поймали, когда она спустилась с горы. Ей не дали возможности ни привести себя в порядок, ни отдохнуть, но захотели тут же ее измерить и осмотреть. Сначала ее пытались уговорить добровольно согласиться на эту процедуру и даже подарили ей стеклянные бусы в футляре. Когда же она отказалась от этой безделушки и начала со слезами отбиваться, приезжие силой затащили ее в дом, где все-таки ее осмотрели и измерили. Педер прятался в скалах над их жилищем и оттуда наблюдал за ними. Он скрывался там, пока приезжие не ушли. Когда мать сказала, что они еще вернуться, чтобы обмерить остальных членов семьи, Педер убежал, желая избежать этого позора. Нанялся на рыболовецкую шхуну, но в Крокбергете его списали на берег. От него отказались, потому что даже в тихую погоду его мучила морская болезнь.

Сначала Элида боялась, что Педер принесет в дом вшей или какую-нибудь заразу. Но мальчик вымылся и разрешил подстричь себя. Конечно, от него пахло вереском и костром, но через некоторое время этот запах выветрился. Вскоре им сообщили, что его мать умерла, и тогда они решили оставить его у себя.

Педеру хватало работы с уборкой хлева и починкой стены, смотрящей на юго-запад. Первый же осенний шторм сорвал со стены три доски. Педер был молодой и выносливый, но соображал туговато. Рагнару пришлось напомнить ему, что, прежде чем браться за стену, следует починить стремянку, на которой не хватало четырех ступенек. Стремянка лежала у стены дома и глядела наших раскрытым беззубым ртом. Можно было либо раздражаться из-за задумчивой неторопливости Педера, либо смириться с ней. Элида и Фредрик решили не требовать от него больше того, что он может сделать. К тому же Педер не просил платы за свою работу. Как будто жил у них, потому что ему была нужна семья, а не заработок.

Овец уже пригнали с гор, но они еще паслись на домашнем пастбище. Элида решила, что сама пострижет их, прежде чем загнать в хлев. Она любила эту работу и к тому же опасалась, что неопытные руки ножницами повредят овцам кожу. В овцах было что-то особенное. Тем более в ягнятах, жизнь которых была так коротка.

* * *

Однажды Элиде приснилось, что, похоронив Фредрика, она неожиданно поняла, что по ошибке с ним в гроб положили и Йордис. Она бросилась на причал, чтобы плыть обратно на кладбище, но не нашла ни одной лодки. Взмокнув от пота, она металась по берегу в поисках лодки.

С бьющимся сердцем, задыхаясь, она вскочила с кровати, чтобы осмотреть и Фредрика, и люльку с ребенком. В темноте она даже приложилась к ним ухом. Они пахли по-разному. Йордис – сладко, Фредрик – едко. Чудо, но оба они дышали. Обессиленная, Элида снова легла, но сна не было. Никогда в жизни она столько не думала, сколько в последнее время. Думала быстро и напряженно. И сразу обо всем.

Накануне их навестил доктор и сказал, что Фредрику выделили место в Риксгоспитале. У Фредрика загорелись глаза, несмотря на то что один глаз до сих пор еще почти не открывался. Она пыталась проникнуться его надеждой, но чувствовала, что эта хорошая новость нагромоздила перед ней гору новых трудностей. Отпустить его в столицу одного было невыносимо. У нее даже мелькнула мысль отговорить его от поездки. Вдруг в пути он заболит и умрет у нее на руках! Но возможность выздоровления так воодушевила Фредрика, что Элида была не в силах воспротивиться его желанию. Сейчас она была рада, что ничего не сказала ему. Неужели она, думая только о себе и о детях, лишит его этой надежды? Ни за что!

Сон помог Элиде принять решение. Она поедет в Кристианию вместе с ним! Чем больше она думала об этом, тем легче становилось у нее на душе. Разве не именно об этом она мечтала всю жизнь? Уехать отсюда!

Подготовка к отъезду

Фредрик неожиданно проникся оптимизмом. Заговорил об участке земли, который они собирались распахать к весне. Во всяком случае, к лету. Когда он вернется из больницы. Кажется, он верил, что там, на Юге, в Кристиании, владеют тайной древних заговоров и колдовства. Элида знала, что ее муж упрям. Но даже подумать не могла, что он, несмотря на паралич, будет так твердо стоять на своем. В то же время ей было стыдно, что она не до конца разделяет его надежды. Поэтому она ничего ему не сказала, хотя эта недоговоренность сжигала ее изнутри.

Однажды вечером она все-таки спросила у него, откуда они возьмут деньги на такую поездку. Может, она должна попросить займы у своей сестры Кьерсти? Ее муж хорошо зарабатывает на фрахте.

– Нет! Мы продадим корову! – просто ответил Фредрик.

– Корову! Это несерьезно! Как же мы будем жить без коровы, когда вернемся?

– Купим другую. Вопрос жизни и смерти не должен зависеть от какой-то коровы.

– Фредрик! Я не хочу продавать корову! – сердито прошептала она. Они уже легли, весь дом спал.

– Спи, Элида. Утро вечера мудренее.

Он уснул, а Элида лежала и пыталась найти выход. Такой уж у нее был характер. Она не могла спокойно ждать рассвета.

Висящий на стене телефон ничем не мог помочь Элиде. У него было слишком много ушей. Кроме того, Фредрик всегда был рядом. Поэтому ей пришлось написать письмо. Попросить сестру о деньгах. Через воскресенье Кьерсти позвонила ей. Трубку сняла Хельга – Элида переодевала Йордис на ночь. Она отдала Хельге полуодетую девочку и схватила трубку. Разговор был короткий. Сначала – о здоровье Фредрика. Элида ответила, что постепенно он поправляется.

Переход к самому важному был резок.

– К сожалению, мы ничем не можем тебе помочь. А ты обращалась к маме? – спросила Кьерсти.

У Элиды сдавило горло. Она слышала, что сверху уже в третий раз спускается Агда и говорит, что хочет пить. Босые ноги шлепали по лестнице, в тонком голоске звучала укоризна.

– Нет. Ты же знаешь, я не могу обращаться к маме, – как можно спокойнее ответила Элида.

– Может быть, пришло время заключить с ней перемирие? Ведь она уже старая...

После долгого молчания и шороха в трубке Кьерсти спросила, слушает ли ее Элида.

– Ты не должна так говорить, – прошептала Элида.

– Я тебя не понимаю. Забудь о своей гордости. С тех пор прошла целая жизнь...

– К нам кто-то дозванивается. Я тебе напишу, когда будет возможность. Передавай всем привет!

Элида повесила трубку. Всё. Как могла Кьерсти советовать ей просить деньги у матери?

В памяти всплыл давний разговор с матерью. Люди, хорошо знавшие Сару Сусанне, слышали, как спокойно, но безжалостно мог звучать ее голос в такие минуты. Старший брат Элиды Иаков присутствовал при том разговоре, но не поддержал сестру.

– Никто не посмеет сказать, что я к чему-то принуждаю своих детей, но я настойчиво прошу тебя, Элида, не спешить с замужеством, пока ты не поймешь, на что годится этот человек. Ведь он ни к чему не проявил никаких способностей! У него в голове только чтение и пустые мечты. В его семье все такие.

– Не надо мешать нашей свадьбе, мама! Мы можем обойтись и без твоего благословения!

– Не говори глупостей! – Мать пыталась сгладить свою резкость. Она говорила так, будто Элида была неразумным ребенком, которого надо наставить на путь истинный. И повторила то, что Элида слышала уже много раз. Она избалована, потому что была самой младшей в семье и ей было всего четырнадцать, когда умер отец. Но это ошибка ее, Сары Сусанне.

– Это не глупости! Я завтра же уезжаю к Фредрику. Там меня уже ждут.

Сара Сусанне приехала на скромную свадьбу, устроенную в Хаугене, но мать и дочь почти не разговаривали друг с другом. Она присутствовала и на крестинах трех старших детей. И все проходило тихо и мирно. Так держатся люди, которые не очень близко знакомы и хотят сохранить между собой дистанцию.

Фредрик не столь строго относился к ее матери.

– Она хотела тебе добра. Кто я? Всего лишь сын арендатора, просто у меня случайно оказалась хорошая голова.

Будь его воля, он бы уже давно помирился с ее матерью. Но ведь Элида никогда не рассказывала ему всего, что говорила о нем ее мать.

* * *

Корову продали соседу. Но договорились, что он заберет ее, когда они уже уедут, чтобы Элида не видела, как ее уводят.

Весь ноябрь, что они еще жили в Русенхауге, Элида строила планы и страшилась предстоящей поездки. Вспоминала все, что она читала и слышала о Кристиании. Опасный город. Там полно нищих, уличных хулиганов и воров. Забастовки и тяжелые времена. Рабочее движение отсюда казалось ей почти революцией. Страшно было даже подумать о таком городе. К тому же Элида знала, что сама дорога будет тяжелой. Она плохо представляла себе, каким образом они доставят Фредрика на борт парохода, а потом посадят в поезд. Как она сумеет уложить его отдохнуть так, чтобы потраченные им на это усилия не убили его, она тоже не знала. Фредрик еще много времени проводил в постели. Но, как всегда, он убедил ее в своей правоте.

Хильмар говорил о поездке так, словно перед ним открывались новые возможности, и ни словом не упоминал о том, что эта поездка необходима для здоровья отца.

– Я поеду вперед! – объявил он и поговорил по телефону с теткой, которая должна была найти ему в столице работу.

Рагнар тоже размечтался о поездке. Кристиания! Энтузиазм сыновей был заразителен. Если бы не корова, Элида бы тоже не видела будущее в столь мрачном свете. Наверное.

У Селине и Фриды была работа, и они хотели остаться дома. А что делать с остальными? Элида написала сестре Кьерсти и спросила, не возьмет ли она к себе Йордис на то время, пока их не будет. Кьерсти позвонила ей и сказала, что нашла также приемных родителей для Карстена и Хельги. Карстен будет жить у одних добрых людей в Крокбергете. К счастью, в это время в гостиной не было никого, кроме Элиды и Фредрика.

Хельгу возьмут на это время Юхан Якобсен и Юсефине Дрейер с Эльверхёя. Они люди обеспеченные, но своих детей у них нет. Маленькая Йордис будет жить у Кьерсти, а Агда поедет с ними в Кристианию. Эту девочку нельзя оставлять на чужих людей.

Фредрик сидел в качалке и слышал весь разговор. Когда Элида повесила трубку, он посмотрел на нее. Почти враждебно. Она попыталась объяснить. Оправдаться, словно эта поездка была ее затеей. Из-за этого она рассердилась на себя. Рассердилась на Фредрика. В своей непоколебимой вере в будущее он как будто не понимал, что такое количество детей не может, словно по мановению волшебной палочки, вдруг переехать в столицу.

Вечером, когда они легли, они немного поговорили об этом, Элида заплакала, и Фредрик сдался. Ей стало стыдно, и они замолчали.

До того как Фредрика должны были положить в больницу, оставалось четыре месяца. Им предстояло уехать в марте, еще до конца зимы. Это означало, что Элиде следует поторопиться с подготовлением к отъезду.

Овец следовало зарезать. Всех, кроме одной матки, которую сосед брал к себе до их возвращения. Кур Элида могла зарезать сама, постепенно, одну за другой. Она умела обращаться с топором. Так что свежее мясо для фрикасе им было обеспечено.

Одна семья, в которой было много детей, хотела снять у них дом на время их отсутствия. Они же брались обслуживать и телефонный пункт. Платить много за дом они не могли, но, так или иначе, это были твердые деньги.

Наконец Элида с Фредриком объявили обо всем детям. О том, кто поедет в столицу и кто останется на Севере. Все сидели за кухонным столом. Фредрик начал объяснять, но сбился. Элида продолжила, но тоже не смогла говорить. Дети не спускали с них глаз. Господи, какие глаза бывают у детей!

Хельга и Карстен не плакали. Но сдерживались с трудом.

– Это ненадолго, месяца на два, не больше, – пообещала Элида.

– А что будет с Педером? – шепотом спросил Карстен и сглотнул комок в горле.

– Постараемся найти место и ему, – ответил Фредрик, взглянув на Педера.

С худого лица Педера как будто стерли всякое выражение. Он быстро встал и вышел из кухни.

В окно они видели, как он идет к хлеву своей особой шаркающей походкой.

Теперь все всё знали. Все было решено. Хильмар, Рагнар, Анни, Эрда и Агда ехали с родителями. С каждым днем Педер худел все больше, одежда на нем болталась. Он почти не разговаривал. Они не видели, как он плачет, но, конечно, он плакал. В хлеву. В одиночестве. Его скуластое лицо словно припорошил снег. В конце концов Элида пошла к соседу и умолила его взять к себе Педера до их возвращения.

– Я уже и сам думал об этом. – Сосед покашлял, прочищая горло. – Если хотите, я могу взять к себе в хлев пяток ваших овец, пока вы не вернетесь. Тогда вам не придется их резать. А Педер хороший парень, его мы тоже приютим.

* * *

– И у нее хватит места для всех нас?

– У нее такой же большой дом, как у нас, – ответил Фредрик.

Они сидели в гостиной возле телефона, Элида только что поговорила с сестрой Фредрика. У нее оказался тонкий, почти детский голос, несмотря на почтенный возраст и плохую связь.

Сестра Фредрика жила в Брюне. Элида так и не поняла, где и как далеко от Кристиании находится это место. Поняла только, что в Кристианию оттуда можно доехать на поезде или на чем-то, что его сестра назвала трамваем.

– То, что тетя Хельга согласилась принять к себе такую большую семью, делает ее достойной рая, сколько бы ошибок в жизни она ни совершила, – усмехнулся Рагнар.

– Хельга не обычный человек, она занимает высокую должность в Армии спасения. Еще совсем девчонкой она уехала на Юг, чтобы служить Богу. К счастью, она любит писать письма, – сказал Фредрик.

Судя по письмам, Фредрик был ее любимцем. Элида подумала, что, обладая Хельга столь многочисленными достоинствами на самом деле, у Фредрика в жизни не было бы никаких печалей, не говоря уж о плохом сердце. Но она промолчала. Им следовало быть благодарными

Хельге, она действительно оказывала им услугу, пригласив жить у себя. Детский голосок рассказал по телефону, как она молится за Фредрика и что Бог благословит их всех. Ибо Бог велик! Кроме того, она связана с одним мудрецом и целителем, Марчелло Хаугеном. В него она тоже верит. Было похоже, что там, на Юге, Хельга сделала все возможное для сердца Фредрика. Осталось только выбрать, на кого полагаться. На Риксгоспиталь, на Марчелло Хаугена или же на Господа Бога. Словно речь шла о какой-то сверхъестественной лотерее – чем больше у тебя будет лотерейных билетов, тем больше будет и возможность выигрыша.

Элида вспомнила, как в детстве верила, что, если она забудет сосчитать шаги, идя в темноте в уборную, непременно случится несчастье. И однажды забыла. Тогда случилось несчастье. Умер отец.

Тетя Хельга сумела устроить Хильмара и Рагнара работать на обувную фабрику «Стандард скуфабрик». Они выехали на Юг еще в январе. Элида не раз и не два благословляла висящий на стене телефон. Она могла, стоя дома в вязаной кофте и тапочках, убедиться, что с ее детьми, уехавшими в столицу, все в порядке. Это помогало жить. Над тем же, что в столице трудно добиться признания тому, кто говорит по-деревенски и никогда не видел трамвая или хотя бы чего-нибудь электрического, они только смеялись. Что дорога до фабрики длинна, они считали даже преимуществом. Рагнар пытался подбодрить мать тем, что обещал купить ей шляпку, когда она приедет в Кристианию. Все дамы в Кристиании носят шляпки.

Но у Элиды хватало дела укладывать вещи в картонки и коробки. И те, что должны были отправиться с Йордис, Хельгой и Карстеном в их новые дома, и те, что должны были ехать с ней и Фредриком в Кристианию.

* * *

– Нет, я не могу этого допустить, – раздался с кровати голос Фредрика. Утром в тот день он не мог встать и его мучила одышка. Но все сразу поняли, что он имеет в виду.

Элида держала на руках Йордис, Агда обнимала ее колени. В комнате было трудно дышать – слишком много тут было народа и слишком много еле сдерживаемых слез. Все было очень серьезно. Из всех трещин и углов на них глядело бессилие. С покрывала на кровати и тех книг и бумаг Фредрика, которые еще не были упакованы. От бессилия колело ладони. Пересыхал рот, и текли слезы.

Приемные родители приехали, чтобы забрать детей. Карстен и Хельга стояли у буфета, держась за руки. На белом полотенце, висящем на медном крючке рядом с умывальником, остался след чьей-то ладони. Тонкие занавески были задернуты. Фредрик не выносил яркого весеннего света. Эйде из Крокбергета, которые должны были забрать Карстена, оба не отрывали глаз от пола. Юсефине Дрейер, приехавшая за Хельгой, не знала, что сказать, она вздохнула и вышла на кухню.

Никто этого не ожидал. Сестра Элиды, Кьерсти, решительно взяла у Элиды Йордис и кашлянула.

– Теперь уже поздно что-либо менять, Фредрик! Вы не можете взять с собой всех детей, – тихо, многозначительно сказала она. – Все уже решено. Это ненадолго. Главное, чтобы ты выздоровел.

– Только пока ты не поправишься, Фредрик! – шепотом сказал Эйде и перенес тяжесть с одной ноги на другую. Худощавый мужчина с продолговатым лицом и добрыми глазами.

– Простите меня! Нет-нет! Я не могу этого допустить. Все должны ехать с нами. Мы должны быть все вместе! – сказал Фредрик.

Элиду охватила какая-то вялость, ее усталость была так велика, что она не могла произнести ни слова.

– Элиде не справиться, неужели ты этого не понимаешь? – уже более резко спросила Кьерсти.

Неожиданно Элида увидела все как зритель, словно то, что происходило, не касалось ее лично, но все-таки она словно отвечала за то, чтобы ничего не вышло за рамки приличия. Она избавилась от мучительного чувства, будто она – остановившиеся часы, висящие на стене в комнате больного, и быстро вывела оттуда детей. Сначала Хельгу и Карстена, которые понимали, что их это касается в первую очередь. Их хотели принести в жертву, а теперь они, может быть, спасутся, вернувшись в объятия отца. Ведь получил же Авраам в последнюю минуту от Господа разрешение не приносить Исаака в жертву. Наверное, подобное разрешение услышал и Фредрик. С горечью думая об этом, Элида кивнула старшим детям, чтобы они вышли из комнаты. Из комнаты предательства и жертвоприношения. Агду пришлось унести силой – она хотела остаться с матерью.

Когда дверь закрылась, Фредрик умоляюще протянул руку.

– Ты не должен думать только о себе, Фредрик! – строго сказала Кьерсти. – И ты не можешь вдруг явиться к Хельге, имея с собой на трех детей больше, чем собирался.

Элида молчала.

– Нет! Все должны ехать вместе! – выдохнул Фредрик, схватившись за сердце обеими руками.

Это снова заставило Элиду действовать.

– Пожалуйста, уходите! И большое... большое вам спасибо, – прошептала она и кивнула каждому в отдельности.

И они ушли. А что им еще оставалось?

Элида чувствовала, что взяла вину на себя. Отцовская любовь была очевидна. Все ее видели. Она понимала, что должна поддержать его в присутствии всех. Во всяком случае, дети должны услышать, что и она тоже хочет, чтобы они поехали с ними.

Когда Элида и Фредрик остались одни, она остановилась посреди комнаты, не в силах подойти к кровати, хотя Фредрик тянул к ней здоровую руку.

– Я знаю, как тебе будет трудно. Ведь я знаю...

– Да! – жестко сказала она. – Но так же трудно и отдавать своих детей чужим людям, – проговорила она бесцветным, безутешным голосом.

– Ты простишь меня?

– То, как ты себя вел? Не знаю, Фредрик, – по-прежнему жестко ответила она. И вышла вслед за всеми, прикрыв за собой дверь. Связь между ними ослабла. И Элида не знала, станет ли эта связь опять такой же крепкой, как прежде.

Накануне вечером она наказала себе не плакать, когда приедут за детьми. И без того все было достаточно тяжело. Наверное, ей помогли молитвы, она долго не спала той ночью. Когда она убедилась, что Фредрик уже заснул, она встала, вышла во двор и спустилась на берег. Там, наедине с собой, она прижалась головой к покалеченной иве, на которой еще не было почек.

Потом столкнула ногой в воду камень. И тут же почувствовала запах моря. Запах ледяных гниющих водорослей и провонявшей в трещинах камней воды, как ни странно, помог ей. Она вдруг вспомнила, что именно этот запах, этот проклятый запах всегда пробуждал в ней желание уехать отсюда. И пока Элида стояла там, в холодном ночном свете, позволив ветру растрепать и распушить ей волосы, хотя этого никто не видел, пока она стояла там, вытирая глаза и нос и радуясь, что ее никто не видит, она твердо решила, что все обернется благословением Божиим. Фредрик поправится. А она увидит и узнает многое, кроме телефона на стене в Русенхауге. Все к лучшему.

Хорошо. Значит, ее молитвы как будто были услышаны. Этого она уже не забудет. А Хельга и Карстен теперь всегда будут помнить, кто из родителей их любит больше.

Так решил Фредрик.

Книга третья

Одинока – и все-таки не одна

Первое воспоминание в моей жизни. Я просыпаюсь в своей кровати, темно, я карабкаюсь, чтобы встать, держась за сетку, и зову маму. Но ко мне подходит не она, а тетя Эрда. Война, но я этого не знаю. С жильем плохо, и мы живем в одной комнате в доме тети Эрды и дяди Бьярне в Ведхёггане на Лангёе.

Тетя меня укладывает, укрывает и что-то говорит мне. Когда она уходит и закрывает дверь, темнота возвращается. Но за окном яркий свет. Через окно он бросает в комнату крест. Крест большой и падает на меня. Или я падаю в него. Потому что я опять встала на ноги, но уже не плачу и никого не зову. Просто стою в этом кресте, который находится вне меня, вне моей кровати, вне тетиного дома. Свет креста такой яркий, что я падаю. Меня тошнит. Но я еще не понимаю, что чувствую.

Однако потом, после многократного повторения, я уже знаю, что это – тошнота.

Второе воспоминание. Я сижу на черном лакированном детском сиденье, оно прикреплено к багажнику мамино черного велосипеда. Она едет по очень прямой дороге, по обе стороны от нас море. Не деревья, не поля, только камни, небо и море. Позже я узнаю, что это мыс, выступающий в море на западе острова. Серый теплый день, конец весны или начало осени. На маме куртка из материи, похожей на кожу. Я уже хорошо разговариваю – только что я спросила у мамы, не содрала ли она эту шкуру с тетиной коровы. Она отвечает, что это не ободранная шкура, просто похоже. Это такая ткань, ее соткали точно так же, как она ткет половики.

Ветер треплет мамины волосы. Они скручены колбаской надо лбом и держатся с помощью множества спилек. Я смотрю на эту колбаску и вижу, что из нее выбились уже почти все волосы. С моего детского сиденья мне видно, как вокруг маминой головы выются локоны. Они похожи на ноги лошади, скачущей по небу. На дороге только мы с мамой. Ее тело ритмично покачивается, когда она нажимает на педали. Упрямый, решительный нажим. Когда она поворачивает или должна из-за ветра выправить велосипед, я опрокидываюсь, как будто вот-вот упаду. Но знаю, что мама не позволит мне упасть. Эта мысль меня успокаивает. И я надеюсь, что дорога продлится еще долго.

Третье воспоминание. Я с родителями в гостях у наших родственников в Бё. Мама говорит, что должна поехать вперед и кому-то с чем-то помочь. Мы с папой приедем позже. Сразу после нее. После маминого отъезда папа отдает меня на попечение каким-то родственникам, живущим в другом месте. Я их не знаю, их дом мне тоже чужой. *Он*, который еще не стал *им*, не говорит, сколько я там пробуду. Но я не зову его, когда он уезжает.

У одной дамы, похожей на мою маму, очень красивый голос. Она хочет увести меня в дом. Я вхожу в чужой коридор и зову маму. Она не отвечает. Я слышу лишь громкое эхо своего крика. В коридоре темно, он освещен только светом, падающим из одной открытой двери. Я бегу к этой двери и опять зову маму. И снова слышу эхо своего крика. Хотя я еще не знаю, что такое эхо и откуда оно берется. Я падаю и лежу отдельно от самой себя. Какая-то женщина пытается меня поднять. Я как будто вишу в воздухе. Но потом начинаю сопротивляться и лягаюсь. Женщина отпускает меня. Я бегу по какому-то широкому полю. От яркого света у меня болят глаза. Я падаю и долго лежу. Меня тошнит. Когда я наконец встаю, то понимаю, что осталась одна, со мной никого нет. Мои белые чулки испачканы травой. На них дырки. Мелкие камешки впились в кожу на колене. Я понимаю, что мама не видит, что я ушиблась. Это поражает меня.

Потом я пойму, что это и значит – быть одной.

Мы уехали из комнаты тети Эрды в комнату к тете Хельге, потом в комнату к чужим людям. Говорят, что это из-за войны и нехватки жилья. Наконец война кончилась, но я об этом ничего не знаю. Я не понимаю этого даже тогда, когда стою на подоконнике и смотрю в окно. Мимо окна с криками и смехом проходит толпа людей. Они, как овцу на убой, гонят перед собой какую-то девушку. У нее на голове нет волос. Это странно. Мама Йордис быстро снимает меня с окна. Не понимаю почему. И почему она плачет. Именно ее слезы пугают меня.

Все говорят о войне, словно она еще продолжается. У нас в коридоре в ящиках стоят разобранные кухонные шкафчики и стол со стульями, выкрашенные из распылителя, я сама ходила далеко-далеко в лавку Берентсена с запиской от мамы, чтобы купить эту краску. Мне пришлось встать на цыпочки, чтобы положить мамину записку на прилавок.

Папа ездит на маминем велосипеде в контору, которая обеспечивает всех продуктами. Там он ставит на карточках печати и раздает эти карточки людям, чтобы они могли купить по ним продукты. Меня спрашивают, дочка ли я Ханса с Печатью. Услышав этот вопрос много раз, я отвечаю «да».

Мне шесть лет, и я начинаю ходить в школу. Утром, когда еще совсем темно, я должна идти на пристань, оттуда всех школьников везут через залив Воген. Постоянно дует ветер. Мне интересно, все ли дети успеют перепрыгнуть на берег, когда волна прижмет лодку к причалу. Длинноногий Фред, мой двоюродный брат, часто берет меня за руку, и мы прыгаем вместе. Иногда ему приходится ждать, пока у меня кончится рвота. От нее даже на первом уроке во рту сохраняется противный привкус.

Наконец мы переезжаем в целый настоящий дом. На остров Скугсёй. Дом стоит на холме, оттуда открывается вид на море и на поля. За домом березовый лес и скалы.

Он сидит в конторе в цокольном этаже.

На острове есть церковь, построенная в виде креста. Она стоит на мысу отдельно от всех домов. В непогоду церковь не видно из-за морских брызг. Я часто хожу в эту церковь, потому что дружу с Айной, дочерью пастора.

Он никогда не ходит в церковь.

В башне есть скамейка, на которую никому нельзя садиться... Кладбище – это страшные истории о заросших мхом могильных плитах, железных досках с надписями, которые уже невозможно прочесть, и почему-то открытых могилах. Кроме того, там, в замерзшем грунте, можно найти белые человеческие кости, изъеденные позеленевшими бороздками.

В пасторской усадьбе много книг, и там часто устраивают вечера для детей. На скамейке сидит няня, она работает сидя, потому что на щиколотке у нее незаживающая рана. Через окно, сделанное в стене столовой, она раздает бутерброды со свиным рулетом. Там одна тетя говорит, что у нее есть туфли, которым несколько сотен лет, – она очень любит туфли. Пасторша обращается со мной так, будто я ее дочь. А пастор, когда мы собираем картофель, всегда сидит на камне посреди поля и рассказывает нам всякие истории. После обеда он прямо в рабочей одежде и резиновых галошах вытягивается на полу в сених, подкладывает под голову свитер и спит. В эти полчаса все должны молчать, даже петух.

В усадьбе есть двухэтажный амбар, там мы, дети из округи, играем в свои игры, с куклами и всякими старыми вещами. И топим печь под строгим надзором взрослых, над открытыми конфорками мы жарим на палочках кусочки свинины.

Пасторская усадьба – мой второй дом. Каждый вечер, возвращаясь по посыпанной гравием дороге в дом под горой, в котором мы живем, я сосредоточенно размышляю о всякой всячине. О том, что, если мои родители умрут или куда-то исчезнут, я смогу жить в пасторской усадьбе. О том, что не стану горевать из-за потери мамы, потому что не смогу горевать из-за потери *его*. Но это справедливо. Таков закон. Если же я вопреки этому закону все-таки буду

горевать из-за потери мамы, то потому, что *одну большую потерю* можно оплакивать, если отбросить все остальное.

Но у меня в запасе есть и другая возможность. Мама не останется с *ним* навсегда, но выберет себе кого-нибудь другого. У этого другого будет большой дом, сад и много книг. Он будет праздновать Рождество, лестницу, ведущую на второй этаж, будут украшать ниссе⁸, гостиную – ангелы и гирлянды. На 17 Мая⁹ всех будут угощать гоголь-моголем, печеньем с начинкой и красным соком. Как в пасторской усадьбе.

На всякий случай у меня припасена еще и третья возможность. Я перееду жить в пасторскую усадьбу, но сделаюсь невидимкой. Способ, как стать невидимкой, я придумала сама. Мне ужасно нравится мое открытие, но меня так и подмывает рассказать о нем дочке пастора Айне, моей подруге. Иногда это искушение бывает таким сильным, что мешает мне играть с нею. Ведь я знаю, что ей оно тоже понравится. Но знаю также, что она непременно спросит:

– А почему ты не хочешь идти домой, а хочешь жить у нас?

На всякий случай, если я не устою перед искушением и все расскажу Айне, я придумываю разные ответы на этот вопрос. Но ведь она не поверит ни одному из них. У меня уже есть большой опыт скрывать правду, однако лгать, даже скрестив пальцы, нельзя. Во всяком случае, Айне.

В пасторской усадьбе есть пруд, правда почти без уток, зато на берегу вокруг пруда стоят маленькие домики. Словно селение на берегу озера. Они сделаны из ящиков и гофрированной жести, на крышах лежат камни, чтобы крыши не унес ветер. В этих домиках живут наши бумажные куклы. У них есть маленькая мебель и одежда. Животные. И всякая утварь. Кое-что Айне досталось в наследство, кое-что мы, дети, сделали сами с помощью взрослых или старших братьев и сестер Айны.

Эти игрушечные домики – целый мир. В нем все время что-то меняется. Там живут, ссорятся и играют. С каждым годом семья бумажных кукол растет. Благодаря рождественским подаркам и дням рождения. Иногда появляются бумажные куклы как будто из другого круга, более благородные или, наоборот, простолюдинки, они здесь ничего не знают. И мы помогаем им найти свое место. Хотя некоторые из них бывают совершенно невыносимы. Игра начинается ранней весной, когда сходит снег и домики возвращаются на свои места, а с первыми морозами домики как будто впадают в спячку, и на зиму их убирают в чулан.

Это первый мир, в сочинении которого я принимаю участие. После школы и обеда я иду по посыпанной гравием дороге в пасторскую усадьбу, чтобы играть там в саду. Я придумываю, что будут делать и говорить мои бумажные куклы. Слежу за тем, что делают куклы Айны. Ведь может случиться что-нибудь непредвиденное. Иногда я отказываюсь от того, что придумала, если Айна придумывает что-нибудь более интересное. Она старше меня и больше читала. Ее братья и сестры уже учатся в гимназии в Сортланде и читали еще больше.

Я иду в пасторскую усадьбу по посыпанной гравием дороге, по ней между колеями тянется зеленая травянистая грядка. Светло, и я могу спокойно думать о своем. Мне не нужно следить за березовой рощей, и я не чувствую, будто за мной кто-то наблюдает. Я быстро поняла, что при свете нужно опасаться только запертых комнат.

---

⁸ Ниссе – существа из скандинавского фольклора.

⁹ 17 Мая – национальный праздник Норвегии. 17 мая 1814 г. была принята норвежская конституция.

Хавннес

Юханнес никогда не показывал, что сердится, если у него срывалась сделка. Он спокойно ждал следующего раза. Те, кто его не знали, считали, что он у них в руках. Урсин, владелец Хавннеса, до последнего надеялся, что сможет прижать этого молодого и нетерпеливого покупателя, посоветовав ему попытать счастья в другом месте. Но он ошибся. И не учел того, что род, живущий на Офферсёе, а также Линды из Кьопсвика, торговец Бордервик из Бреттеснеса, торговец Дрейер из Хеннингсвера и Бинг Дрейер из Бё связаны тесными узами.

До всех, кто был в этом заинтересован, дошел слух, что Хавннес – покупка выгодная, но там многое еще следует привести в порядок и поэтому он стоит не любых денег. Юханнес выжидал, как говорится, пока шли слухи и торги. В конце концов Урсин все-таки принял его предложение, но тогда за предложенные им деньги Юханнес получил в придачу еще и шхуну.

В начале 1865 года Юханнес и Сара Сусанне праздновали крестины маленького Иакова уже под своей крышей. Агнес бродила по дому с удивленными глазами, и это удивление в глазах осталось у нее на всю жизнь. Юханнес позаботился, чтобы в лучшую гостиную была поставлена новая печь из литого чугуна. Повсюду в доме пахло масляной краской и свежей древесиной. Сестра Эллен приехала, чтобы вести у них хозяйство. Саре Сусанне хотелось бы, чтобы к ней приехала и Амалия, но Амалия уже обещала быть экономкой в Бреттеснесе. Анне Софию мать решила оставить у себя в Кьопсвике, поэтому о ней речь даже не заходила. Кроме того, они наняли еще четырех служанок, приказчика в лавку и работника – мастера на все руки. Однако оба понимали, что это самое малое из того, что необходимо.

Требовалось еще столько всего сделать, починить и улучшить. Планирование новой жизни и переезд только укрепили связь между Сарой Сусанне и Юханнесом. Несмотря на то что она еще ходила беременная Иаковом, а потом рожала и кормила его. Перспектива иметь собственный дом давала им силы. Под конец она считала уже дни и даже часы, когда они покинут Офферсёй. Свекровь сокрушалась, что Сара Сусанне слишком перегружает себя работой, она должна заниматься только ребенком, но Сара Сусанне лишь улыбалась в ответ. Еще полгода назад все было иначе.

Впрочем, последнее слово осталось все-таки за фру Крог – через два месяца у Сары Сусанне пропало молоко. Пришлось взять кормилицу, жену одного из арендаторов на Офферсёе. В глубине души Сара Сусанне должна была признать, что ее тело почувствовало облегчение. Но о таком вслух не говорят.

Уже уже переехав под собственный кров, Сара Сусанне и Юханнес поняли, что не в состоянии сразу сделать все, что им хотелось бы. Но они действовали сообща. Она говорила с пылающими щеками. Он рисовал. Рассчитывал. Соображал. Записывал все коротко и точно. Таким образом, получалось, что решение как будто принимал он, хотя придумывала многое она. Главное, его слова, записанные на бумаге, хранились в шкатулке для документов, и их всегда можно было оттуда извлечь, чтобы посмотреть, что уже сделано, а что еще ждет своей очереди. Независимо от того, кто это придумал. Эти записки были чем-то вроде лоции, только для суши. Часто, когда супруги оставались одни и в доме все стихало, они доставали свою лоцию.

– Работников мы возьмем только на сенокос. Нам не прокормить столько людей круглый год, – писал Юханнес в своем блокноте, когда они обсуждали этот вопрос.

– Я согласна, – кивала Сара Сусанне.

Сверкая ослепительной улыбкой, Юханнес шел за графином, хранившимся в буфете, который они получили вместе с домом. Потом наливал вино в две зеленые рюмки на высоких ножках и одну протягивал ей. Они стояли друг перед другом и, подняв рюмки, кивали друг другу, словно два торговых партнера, заключивших выгодную сделку.

* * *

Зима была сырая, почти без снега, зато часто дул сильный юго-западный ветер, и море было беспокойно. Случалось, в проливе стоял такой туман, что моряки не видели выхода из фьорда. Лед у берега держался не больше часа, потом по нему шли трещины, и его уносило ближайшим течением. Во время отлива водоросли походили на разбросанный по полю навоз. Сара Сусанне никогда не любила ни вида, ни запаха мелководья, заросшего водорослями. Но поскольку и мелководье и водоросли теперь принадлежали ей, к этому следовало привыкнуть. Юханнес считал, что в случае нужды неплохо иметь под боком водоросли.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.